

Виктор Косенков
Русские навсегда

2007

Косенков В.

Русские навсегда / В. Косенков — 2007

В недалеком будущем политическая ситуация в мире обострится до предела. Судьбы мировых держав могут зависеть от компьютерных дисков, которыми вместо резидента иностранной разведки случайно завладевает группа русских программистов. На «похитителей» государственной тайны открывается смертельно опасная охота, в которой участвуют российские спецслужбы, зарубежные разведки и мафиозные группировки. Однако русских голыми руками не возьмешь, особенно если среди них есть хотя бы один матерый волк – допустим, бывший разведчик, прошедший почти все горячие точки мира.

Содержание

0.	6
1.	8
2.	10
3.	13
4.	15
5.	19
6.	22
7.	27
8.	31
9.	36
10.	41
11.	43
12.	48
13.	50
14.	53
15.	56
16.	59
17.	61
18.	64
19.	67
20.	68
21.	69
22.	70
23.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виктор Косенков

Русские навсегда

Русские не ушли.

Русские – навсегда.

0.

Щелчок. Каналы сменяются мгновенно.

– Перенос производства в страны третьего мира дает не только выгоду в экономическом плане, но и приносит пользу в социальной сфере.

Толстый. Благодушный.

Полные влажные губы и гладко выбритые щеки.

Микрофон закреплен на воротничке белой рубахи, небрежно расстегнутой на груди. Жарко. Кожа блестит. Почти физически ощущается дыхание моря. Тепло. Доброго моря. Острова...

– Повышение уровня занятости в этих странах ведет к повышению уровня стабильности не только в производственных регионах, но и во всей Европе. Достаточно посмотреть статистику, чтобы понять, что эмиграция сейчас во многом зависит от повышения или понижения биржевых котировок тех корпораций, которые активно размещают производство в отсталых регионах Земли. Перенос производства – это вопрос не экономики, но глобальной безопасности.

Снова щелчок.

– Проблема религиозной нетерпимости в пригородах Лондона требует...

Щелк!

– Мэрия категорически отвергла обвинение в продаже Эйфелевой башни шиитской общине. Утренние молитвы, фаджр или же саятх совершались на Эйфеле только в рамках ежегодной недели ислама, которая традиционно проходит в Париже.

Щелк!

– Экологическая ниша не может пустовать. Любая пустота сразу же заполняется существами более приспособленными к выживанию в условиях неблагоприятной городской среды. Например, крысами...

Щелк!

– Очередная манифестация гомосексуалистов и лесбиянок была приурочена к годовщине основания Евросоюза. Ликующие, красочно разодетые толпы прошли по всем крупным городам Европы. Манифестации возглавляли представители мэрий столиц...

Люди. Целующиеся мужчины.

Чьи-то голые волосатые ляжки, торчащие из-под юбки.

Толстуха в розовом костюмчике феи лезет в камеру. Ярко накрашенные губы расплзаются по экрану.

Праздник.

Их праздник.

Щелк!

– Согласно данным Международного энергетического агентства, разработка месторождений в пределах арктического биозаповедника на Аляске привела к значительному увеличению процента добычи нефти в США. Снятие консервации с ряда скважин однозначно выводит Соединенные Штаты Америки в лидеры по нефтедобыче. В то же время наблюдатели ОПЕК сообщают, что, по их мнению, запасы нефти в России не соответствуют заявленному в январе этого года уровню. Сегодня баррель нефти стоит 400 долларов.

Щелк!

– После размещения в Прибалтике передвижных ракетных установок для крылатых ракет нового поколения напряженность в отношениях между странами Северо-Атлантического альянса и Российской Федерацией только усилилась. Несмотря на заявления Президента США о...

Щелк!

– Нынешний мир держится на трех слонах. Это – Капитал, Глобализация и Общечеловеческие Ценности. Однако все три слона прочно стоят на одной большой черепахе, на панцире которой написано – Нефть!

Самоуверенный, улыбчивый, седоволосый, в провокационном оранжевом галстуке. Такому позволительно говорить с экрана все, даже глупости.

– Сегодня у нас в студии...

Щелк!

Желаете познать мир? Что может быть проще?! Просто переключайте каналы телевизора.

Щелк. Щелк. Щелк.

Нигде не задерживаясь. Не останавливаясь на рекламу. Не вдумываясь.

Переключайте каналы.

Вы ловите обрывки фраз. Куски предложений. Обрывки смысла. Части речи.

И из огромной, разноцветной, пестрой мозаики на ваших глазах выстроится картина, в которой можно будет увидеть весь, не такой уж и большой, мир. Некогда, может быть, полный тайн и удивительных открытий, но не сейчас. Сегодня не нужно двигаться вперед, рваться к горизонту, терпеть лишения и горечь ошибочных дорог. Нужно просто переключать каналы телевизора.

Щелк. Щелк. Щелк.

1.

Человек, сидящий напротив, улыбался приветливо. Понимающе.

От этой улыбки становилось тошно и хотелось выть.

И если бы не конвертик, лежащий на голубом пластике стола, можно было бы смело встать, развернуться и выйти из прокуренной забегаловки. Да еще выпалить что-нибудь эдакое, соответствующее случаю и пафосное.

Или дать ему в харю!

Но нельзя...

Забегаловка была забита до отказа. В помещении, провонявшем мокрой одеждой, улицей и табаком, толпились люди. Раскрасневшаяся повариха за стойкой раздраженно толкала в толпу тарелки с парящими пельменями. «И сотенку беленькой плесни, хозяйка! И сотенку беленькой...» – хрипло гудел какой-то работяга с красным широким лицом.

В этой толчее никто не обращал внимания на двух мужчин, пристроившихся за маленьким, почти микроскопическим столиком, на котором уместился только бумажный конверт из плотного картона да две нетронутые чашки с остывшим чаем. Первый мужчина, точнее, молодой человек, на вид лет тридцати, был одет в потертую кожаную куртку, синие джинсы и держал в руках небольшой чемоданчик, видимо, для ноутбука. Второй, постарше, – в сером, длинном пальто, широкий шарф небрежно переброшен через плечо. И если первый сидел сжавшись и скрестив руки на груди, словно пытаясь согреться, то второй чувствовал себя более раскованно, нога закинута на ногу, губы сложены в улыбке.

– Так что же вы решили, Вениамин Сергеевич? – после долгого молчания поинтересовался мужчина в пальто. – Вы, конечно, интересный собеседник, но у меня, видите ли, есть еще кое-какие дела.

Внимательный слушатель мог бы различить в его голосе легкий акцент.

– Я должен подумать, – первый, зажатый и испуганный, отвел глаза в сторону. – Такие вопросы с кондачка не решаются.

– Верно. Все верно, – согласился человек в сером пальто. – Я понимаю ваше желание. Тогда я покину вас. И, чтобы вам лучше думалось, конечно же, оставляю вам этот конверт. С копиями, как вы сами понимаете.

– Понимаю. – В горле у Вениамина вдруг запершило.

– Всего хорошего. Мы с вами свяжемся. Позже.

– Да, разумеется...

– Подумайте над нашим предложением. Всего хорошего. – Мужчина в сером пальто поднялся.

– Пойдите. Как вас зовут? Вы даже не представились. – Вениамин вдруг засуетился. – И я... Я же должен знать, как вас называть?

– А зачем вам меня называть? – с холодом в голосе поинтересовался его собеседник. – Вениамин Сергеевич, ай-ай-ай, уж не собираетесь ли вы пойти...

– Нет-нет, что вы?... Просто я не могу... Так.

Человек в сером пальто улыбнулся.

– Ну, раз не можете так... То зовите Карел. Удобно вам будет звать меня Карел?

– Вполне.

– Тогда прощайте.

Карел вышел.

На его место мигом плюхнулся какой-то мужичок в затасканном пуховике и принялся уплетать пельмени.

– Чего кислый такой? – обратился мужичок к Вениамину. – Вдарь по маленькой и полегчает!

– Спиться боюсь, – прошептал Вениамин.

Он встал и, понуро опустив голову, двинулся через толпу.

– Эй! Конвертик, конвертик забыл!

Вениамин сморщился, развернулся и грубо схватил конверт, будто бы тот один был виноват во всех свалившихся на него бедах. От резкого движения клапан раскрылся, и содержимое вывалилось на грязный, мокрый пол. Глянцевые, яркие, кричащие фотографии.

– Черт! – Веничка кинулся подбирать разлетевшиеся бумаги. – Черт!

Он почувствовал, как к лицу прилила краска, как сердце гулко застучало где-то у самого горла.

Наконец, собрав все, до чего смог дотянуться, Вениамин выбежал из кафе.

Мужик в пуховике посмотрел под стол, куда залетела одна из фотографий, презрительно усмехнулся:

– Пидор.

2.

Однако Вениамин Сергеевич Риттер педерастом не был. В свои тридцать пять он работал в зеленоградском Архиве. Так называлась секретная контора, куда сходились данные с четырех таких же секретных НИИ. Обмен информацией шел непрерывно.

Большинство работников Архива не имели допуска к содержанию материалов, но подписка о неразглашении связывала всех единой круговой порукой.

Архив был щедро опекаем ФСБ. Так что, кроме штатных «особистов», в Зеленограде постоянно «работали» внештатные сотрудники. Строгий внутренний распорядок, контроль и ощущение «колпака» способны поломать и более устойчивую психику, а Веничка такой похвастаться и вовсе не мог. Риттеру иногда казалось, что дышать в Архиве совершенно нечем. Будто воздух сгустился, сжался, стал клейким, а спину сверлит чужой внимательный взгляд.

Веничка рос без отца, мать зашивалась на двух работах сразу, пытаясь дать ребенку все возможное. Она и давала, эта старательная, отчаянная в своей материнской заботе женщина. Ей удалось дать сыну хорошее образование и тот материальный уровень, который позволил бы Вениамину иметь увлечения, ставшие основой для личного развития. Единственное, чего не смогла дать мать своему ребенку, – это уважение к порядку и понимание того, что любое наказание за большие или маленькие грехи – не просто самодурство власть предержавших, а вынужденная мера.

Проще говоря, Веничку в детстве не пороли.

И теперь его либеральное воспитание требовало протеста, освобождения от жестких рамок, в которые попадает каждый, прикоснувшийся к государственной тайне.

А еще Вениамин Сергеевич Риттер был жутким бабником. И имел связь с Леночкой, несовершеннолетней дочкой директора Архива. Он закрутил этот роман, повинаясь нелепому желанию фрондировать, глотнуть воздуха свободы, которого ему так не хватало.

Теперь, когда неведомый фотограф прихватил Веничку на горячем со всеми подробностями, Риттеру хотелось выть от страха. Впереди был скандал, увольнение, да еще оскорбленный в лучших чувствах папаша наверняка раскрутит это дело в органах. Кому какое дело, что Леночка рано созрела и по своей опытности могла дать фору любой проститутке? Все решали цифры. А они неумолимо говорили: четырнадцать лет – это растление несовершеннолетних, остальное не имеет значения. Цифры неумолимо говорили – статья. Паршивая статья, с такой на зоне несладко.

Теперь будущее рисовалось Риттеру в исключительно черных тонах.

Если, конечно...

Всего этого – скандала, увольнения и статьи могло бы и не быть...

– Чего заснул-то?

– А? – Веничка обернулся, от неосторожного толчка на пол шлепнулись папки с бумагами.

– Точно заснул, – Дима Цветиков, курьер, радостно заулыбался. – Пойдем курнем?

– Не, – Веничка насупился. – Работы вон сколько...

– Да ладно! – Цветиков засмеялся. Это был на удивление жизнерадостный молодой человек. Во всем Архиве не было, наверное, большего оптимиста, чем Дима. В любом, даже самом безвыходном положении он мог увидеть что-то положительное. Мог ободрить человека одним своим присутствием. В Архиве считалось, что встретить курьера в начале трудового дня – хороший знак. – Ты что, забыл, кто тебе работу приносит? Вон у тебя две папки. Раскидаешь по каталогам быстренько. Успеешь еще. Вообще, сегодня шеф в отъезде, так что гуляй, пока молодой. Пошли курнем!

– Ну хорошо, – вздохнул Веничка. – Курнем так курнем.

День только начинался, а после бессонной ночи, проведенной в липком страхе за свое будущее, Риттер был тот еще работник. Чем черт не шутит? Может быть, перекур в компании с вечно веселым Цветиковым что-то изменит?...

В курилке было пусто и стоял застарелый запах прогоревшего табака.

Цветиков неторопливо затянулся. Задержал дыхание и выпустил облако дыма.

Под потолком лениво шуршал вентилятор.

– Ну давай, – Дима неопределенно махнул рукой.

– Чего?

– Рассказывай. У тебя что-то случилось. Сразу видно.

– Да ну, брось, – Веничка усмехнулся. Получилось неубедительно. – Все у меня хорошо.

Не выспался только.

Цветиков вопросительно поднял брови.

– Соседи орали всю ночь, – на ходу придумал Риттер. – Идиоты. Сначала скандалили, потом мирились... Потом снова скандалили.

Курьер понимающе покачал головой.

– А у меня, представляешь, в соседях наш особист.

– Ожегов?

– Он самый. Никакой личной жизни. Все время кажется, что за мной присматривают. Как говорится, все под колпаком. У Ожегова.

– Да ну... За тобой-то чего присматривать? Ты ж курьер, а не какой-нибудь старший научный сотрудник.

– Много ты понимаешь. – Пепел с Диминой сигареты упал на рукав халата. – Вот черт...

Теперь менять придется.

– Так чего там? – Веничка неожиданно почувствовал интерес к разговору.

– Где?

– Ну, с Ожеговым...

– А! – Цветиков весело засмеялся. – Прелюбопытнейший мужик наш особист! Он ко мне пару раз заходил чаю попить. Что характерно, спиртного ни грамма в рот не берет. Я предлагал. Нет, говорит. И не по здоровью, а так... из убеждений. Мол, не хочу терять контроль.

– А как же он расслабляется? Так ведь крыша съедет.

– Я тоже спросил. Медитацией, говорит. Оказывается, исключительно пробитый на Восток человек. Йогу изучает. Прикинь! При мне ногу на шею забросил, а лет ему... наверное, под сорок пять. Так-то!

– Забавно.

– А еще рассказывает много чего интересного. У него, сам понимаешь, опыт жизненный ого-го какой.

– Ну да, ну да... – Почему-то в этот момент Риттер насторожился. – А что, например?...

– Ой... Много... Как в Анголе воевал, рассказывал. Про Ирак тоже...

– А про нас? – неожиданно для самого себя спросил Веничка. – Про нашу контору чего-нибудь говорил?

– Про нашу... – Цветиков задумался. Снизить градус беседы не хотелось, казалось бы, он только-только сумел заинтересовать собеседника, но и врать Дима не любил. – Ну, сам понимаешь, он мне много не расскажет. Но догадаться можно.

– О чем? – Вениамин перешел на шепот.

Дима сделал круглые глаза. Наклонился вперед.

– Мы очень... Очень! Секретная контора!!!

– Тьфу на тебя! – Риттер затушил окурок и под веселый хохот курьера выскочил из курилки.

Придя на свое рабочее место, Веничка обнаружил, что к двум папкам, ожидавшим его с самого утра, прибавились еще три. Предстояло написать два отчета, собрать данные по двум запросам и продолжить нуднейший процесс каталогизации одного архива. Работы более чем достаточно.

И удивительно... открыв первую папку, Вениамин обнаружил, что уже не думает о страшном конвертике с похабными фотографиями, о беде, нависшей над ним, об опасностях и угрозах. Это чувство было настолько приятным, настолько окрыляюще легким, что ему захотелось петь и улыбаться.

Чувство освобождения от страха.

Риттер и не знал, что именно в этот момент в его голове созрело и оформилось, может быть, еще не до конца, то решение, которое толкнет его к смерти.

3.

– Знаете, мы сами справились, – секретарша Леночка мило дернула оголенным плечиком. – Так что вы уж извините за беспокойство. Видимо, мы не нуждаемся в ваших услугах. Спасибо. Юрий Алексеевич сказал, что аванс вы можете оставить себе.

Повисшая в офисе тишина должна была дать понять визитеру, что разговор окончен и он может покинуть помещение.

Однако посетитель не торопился. Он долго с интересом рассматривал офис, подмечая неточности, ошибки и то, что эти ворюги выдали за «свой стиль».

Украдено было почти все. От основной идеи до материалов.

– Так, значит, – наконец произнес посетитель. – Юрий Алексеевич сейчас в отъезде?

– Да, совершенно верно. Будет не скоро. Может быть, через неделю.

Посетитель кивнул.

– А, простите за нескромный вопрос, кто занимался разработкой дизайна?

– Мы сами... – уклончиво ответила секретарша.

– Вы уверены?

В его голосе было нечто такое, что заставило Леночку подумать перед ответом.

– Нам помогала небольшая фирма, они предложили более выгодные условия. Вы понимаете.

– Понимаю, – посетитель кивнул и поежился, будто от холода. – А название фирмы вы не помните?

– Это наша внутренняя информация, – Леночка решительно покачала головой. – Внутренняя.

– Хорошо, – неожиданно просто согласился посетитель и направился к двери. – Передайте Юрию Алексеевичу, что я зайду через недельку.

– Да, конечно...

Хлопнула дверь.

Секретарша облегченно вздохнула.

Через некоторое время из своего кабинета показался начальник.

– Ушел?

– Ушел, Юрий Алексеевич. Обещал через неделю...

– Да я слышал, – начальник досадливо поморщился. – Во народ, ну обошли тебя, так успокойся... Нет, будет ходить, просить...

– Станный он.

– Да ну... Все эти художники тронутые. С этим ничего не поделаешь.

Тем временем «тронутый художник» стоял на улице под падающими хлопьями мокрого снега и задумчиво рассматривал окна «кинувшей» его конторы.

Это был молодой, высокий и худой человек, одетый в кожаный длинный плащ и шляпу. Через плечо небрежно переброшен широкий черный шарф. Плоский футляр для электронной планшетки легкомысленно зажат под мышкой.

Звали молодого человека Сергей Васильевич Столяров, ему было двадцать восемь лет, и на жизнь он зарабатывал дизайном. Работа его шла не так чтобы особенно хорошо, но и не плохо. На кусок хлеба, иногда даже с маслом, вполне хватало.

И больше всего на свете Сергей Васильевич не любил, когда его обворовывали. Особенно, если обворовывали нагло.

А сейчас был именно тот случай.

Три недели Сергей работал над проектом дизайна для туристической фирмы «Лихарев и К°». Еще две занимался подгонкой и учетом пожеланий заказчика. И в день сдачи обнаружил, что его обворовали.

«Лихарев и К°» уже закончили реновацию сети своих офисов. И, более того, слизали все идеи с его сырого еще проекта. Слизали грубо, без учета особенностей и деталей. Получилось гадко, но это не радовало. Сергей рассчитывал на гонорар, да и загубленного времени было, мягко говоря, жаль.

– Кто же меня так прокатил? И главное, как?... И что делать? – Сергей огляделся по сторонам, словно ища ответа на свои вопросы. Улица была пуста. Где-то далеко гудели машины, город жил своей жизнью, но небольшой переулочек, в котором располагался головной офис злосчастной турфирмы, был погружен в тишину.

– Что делать и кто виноват? – повторил Сергей.

Он еще раз взгляделся в освещенные окна «Лихарев и К°», плюнул и двинулся к ближайшему метро, попутно вставляя в ухо гарнитуру сотового.

– Михалыч? – донеслось из-за плотной снежной тишины. – Ты вообще где сейчас?

4.

Прихожая, в которую вошел Сергей, поражала воображение обилием самых разнообразных, часто несовместимых друг с другом предметов. Тут соседствовала голова антилопы и вмурованный в стену системный блок шут знает какого потертого года, блестящая круглая фара и хищным когтем изогнутый малайский керамбит, автоматный рожок и шаманский бубен. Множество мелких, на первый взгляд, незначительных, но способных многое рассказать о своем хозяине деталей пряталось за крупными вещами. Какие-то бусы, амулеты, черно-белые фотографии, рисунки на салфетках, удостоверения, чья-то посмертная маска, сделанная откровенно любительски...

– Дал бы ты мне тут покопаться, – пробурчал Сергей. – Я б тебе такой дизайн забабахал, отпадный.

– Ты всегда это говоришь, – отозвался из-за его спины хозяин квартиры. – Проходи дальше. Не выстуживай.

– Извини, Михалыч. – Сергей сделал шаг в глубину прихожей. – Всегда поражаюсь твоей квартире.

Загорелся свет.

Хлопнула дверь. В темноте «предбанника» Михалыч воевал с засовами и ругался под нос. Наконец, совладав с многочисленными защелками, хозяин вошел внутрь и закрыл вторую дверь. Щелкнул замок.

– Ты давно зуб на мою коллекцию точишь.

– Только ты не поддаешься. – Сергей снял плащ и повесил его на вешалку, целиком состоящую из рогов. – И совершенно зря...

– Иди ты, – улыбаясь, прогудел Михалыч. – Испортишь только.

Это был большой человек. Высокий (чтобы не биться головой, Михалыч увеличил дверные проемы), с широкими плечами и объемистым животом. Казалось, что хозяин квартиры излучает здоровье и благодушие.

– Чего тут портить? – Сергей махнул рукой. Этот спор имел давнюю историю. Душа дизайнера требовала вмешательства в хаос этого жилища. Но хозяин, чья непростая биография отражалась в удивительной коллекции, всегда сопротивлялся.

Действительно, за свои сорок лет Антон Михайлович Лаптев, для друзей просто – Михалыч, успел многое. Начиная от работы военным советником при правительстве Рохани в Иране и заканчивая организацией сафари и научных экспедиций в труднопроходимые районы. Отовсюду он привозил какие-то вещи, непонятные постороннему человеку, совсем чужие для европейского глаза. Но за каждым из этих предметов была история, случай, событие из его богатой, полнокровной жизни.

– Как что портить? – удивился Михалыч, провожая гостя в большую комнату. – Тут же половина вещей проходит под грифом «Совершенно секретно!». Вон та фара, видишь?...

– Стояла на любимом автомобиле Бен Ладена, – заученно ответил Сергей.

– Вот ты мне не веришь, а совершенно зря. Чай, кофе или кальяном побалуемся? – Михалыч похлопал широкой ладонью по огромному серебряному кальяну, стоящему в углу зала. Колба отозвалась мелодичным звоном.

– Чай, чай... Эта твоя бандура все одно не работает.

– Напрасно ты так думаешь! Я в ней почти все дыры законопатил... После того раза...

Они засмеялись. Оба помнили «тот раз», когда друзья попытались запустить огромный и декоративный агрегат. Залили внутрь воды, несколько ведер. Кальян постоял некоторое время, а потом вдруг дал такую обильную течь, что пришлось выяснять отношения с нижними соседями на предмет протекающего потолка.

– А я уж думал, что это не кальян, а дуршлаг.

– В общем, я тоже... Так... – Михалыч указал на кресло. – Садись, отдыхай, я сейчас. Машка с детьми к родителям махнула на каникулы, так что я холостякую.

– Может, я лучше сам чай сделаю? – с опаской поинтересовался Сергей.

– Поговори у меня... – проворчал бывший «черный полковник» и удалился на кухню.

Сергей некоторое время посидел в кресле, нервно барабанил пальцами по тугим кожаным подлокотникам. Потом встал. Прошелся вдоль книжных полок, осторожно ведя пальцем по корешкам. Погладил по носу чучело ворона, стоящее на телевизоре, и направился вслед за другом.

Михалыч возился с заварным чайником, что-то бормоча себе под нос. Чай у него тоже был особенный, по крайней мере таких этикеток Сергей не встречал ни в одном магазине.

Столяров остановился в дверях, привалился к косяку.

– Проблема у меня, Михалыч.

– Ну, это я догадался, – спокойно ответил полковник в отставке. – У тебя лицо было такое...

– Какое?

– Такое... – Он задумался. – Какое бывает, когда у человека проблема.

– Логично. Не знал, что ты такой матерый физиономист.

– Ну, нюх у меня на людей с проблемами.

Михалыч залил в заварной чайник кипяток, накрыл плотным полотенцем. Затем выставил на стол небольшие чашечки и три маленькие пиалушки с вареньем.

– Тут малина, кленовый сироп и чуть-чуть твоего любимого.

– Кедровое? – Сергей почувствовал, что невольно начинает улыбаться.

– Оно самое. В Москве, в это время года, не встречается.

– Мне даже неудобно...

– Да ладно, – Михалыч хлопнул друга по спине, отчего тот едва не слетел со стула. –

Не зашиб?

– Не очень, – Сергей поморщился.

– На самом деле у моей Машки родня в Сибири. Они там эти кедровые шишки околачивают, как мы тут груши. Присылают. Так что ешь не тушуйся.

– Спасибо.

Сергей аккуратно зачерпнул ложечкой густой, коньячного цвета жидкости. Положил на язык. Запахло хвоей, лесом.

– Здорово, правда? – Михалыч тем временем разлил по чашечкам не менее ароматный чай. – Вот так и надо решать проблемы. За чаем, в хорошей компании. Это правильно. В одиночку и с водкой никогда ничего путного не выходит. Ну давай, говори, что там у тебя?

– Кинули меня, Михалыч. Кинули и обворовали.

– Каким образом?

– Да очень просто. Рабочий процесс обстоит так: я получаю, условно говоря, задание, исследую объект, потом некоторое время сижу за своими программами.

– Ну да, это я как раз видел. Ты там чуть ли в бубны не стучишь.

– Шаманю, одним словом. Потом приношу клиенту решения. Обычно несколько вариантов, но в пределах одной заранее обговоренной темы. Проекты эти – сырые. Их надо дорабатывать, что-то переделывать. На это тоже требуется время. При хорошем раскладе – месяц-полтора. Из учета материалов, финансовых возможностей и так далее, понимаешь?

– Естественно.

– Потом мы подписываем готовый проект. И субподрядчики, какая-нибудь бригада строительная, таких сейчас навалом, работает согласно проекту. Все просто.

– Да.

– Однако есть хитрость. Работа субподрядчиков, при наличии более-менее толкового проекта, занимает недели две. А доработка сырого проекта это, как я говорил, месяц. Ну, минимум три недели.

– И?

– Так вот, если проект на этой стадии перехватить и отдать рабочим, то я остаюсь с носом, даже сам об этом не зная. Сижу, работаю, а кто-то в это время рубит капусту. И всем хорошо! Я работаю и ни о чем не знаю. Строители работают. А кто-то получает деньги за мой проект. Правда, сырой и кривой, но зато сразу. Прибыль стопроцентная. Потому что времени на то, чтобы украсть, нужно значительно меньше, чем на то, чтобы все это создать! Ну, логика понятна? Делим прибыль на время, потраченное на ее получение, и выходит...

– С этим ясно. Дальше давай.

– В общем, какие-то ребята круто наварились. Пока я с чистым сердцем правил и переделывал проект для одной конторы, они сперли его у меня. И толкнули. За полцены той самой конторе. Их директор согласился. Рабочие все собрали.

– А договор?

– А с договора директор спрыгнул. Через запасной люк на тему, что, мол, фирма имеет право отказаться от договора, оставив мне аванс. А что мне аванс? Я времени на эту работу убил столько...

– А в суд?

Сергей исподлобья посмотрел на Михалыча.

– Не хочу в суд...

– А-а-а... – понимающе протянул Михалыч. – Это другое дело.

– Тогда как?

Михалыч заулыбался, словно чеширский кот, и, чтобы скрыть ясно видимое удовольствие, поднял чашечку с чаем, заслонил ею губы.

– Чего радуешься? – поинтересовался Сергей.

Михалыч пожал плечами.

– Да что-то тихо стало в последнее время. Я даже забеспокоился. Знаешь, когда ничего не происходит, это настораживает. Все время кажется, что затишье вот-вот закончится и ка-а-ак даст! Лучше немного напрягаться по небольшим вопросам, чем редко, но с размахом. Так что не переживай, я дам тебе «парабеллум».

– Кстати. – Сергей с видимым сожалением отодвинул от себя пиалу с вареньем. Хотелось еще, но надо было и честь знать, тем более что варенья осталось на доньшке. – Кстати, у тебя не было такого... Предчувствия?

– Чего? – Полковник удивленно приподнял бровь.

– Ну... Предчувствия. Знаешь, как будто перед войной? Ну, как в песне у Окуджавы. «Вы слышите, грохочут сапоги и птицы оголтелые летят...»

– Ошалелые.

– Что?

– Ошалелые, а не оголтелые. Оголтелые у нас журналисты, а они не летают. Что хорошо, иначе они бы метали помет прям сверху. С фонарных столбов. Нет, знаешь, предчувствий у меня не бывает. У меня все на рефлексках.

– Хорошо тебе. А у меня вот бывает... Настораживает, знаешь ли. Потому идея о «парабеллуме» хоть и приятна, но...

– Спокойно. Все будет хорошо. Поверь мне, твои предчувствия не из этой оперы.

– С чего ты взял?

– Это просто. Что такое ноосфера, знаешь?

– Вернадский, – пожал плечами Сергей. – И все. По-моему, никто не знает.

– Доподлинно никто, но одно из толкований – сумма всех знаний всего человечества. Так вот предчувствия можно рассматривать как пробой из ноосферы. Вот и прикинь, насколько велика вероятность, что из совокупности всех знаний тебя пробьет предчувствие на тему мелкой, в общем-то, разборки?

– Ну... Не велика.

– Точно. А вот в глобальном смысле... это может быть.

– Ты хочешь сказать...

– Что нас ждут великие потрясения. Новости смотришь? Рекомендую.

– Удивил...

– Точно. Я тебе даже больше скажу. Эти чертовы перемены ждут нас всегда. Поэтому плюнь на любые предчувствия. С колокольни. – Михалыч налил еще чаю. – У тебя есть задача, ее надо выполнить.

– Какая?

– Ну, – отставной полковник развел руками. – Ты даешь! Главная задача – уцелеть!

И Михалыч весело засмеялся.

– Что-то ты сегодня особенно весел, – обиженно пробормотал Сергей.

– Ладно, ничего страшного. Давай лучше займемся твоими проблемами. Звони нашему компьютерному гению и всей его гнусной братии. Но учти, если они у меня, как в прошлый раз, повеселятся, трупы будешь убирать сам.

5.

Гриша, играя всем телом, сделал полшага влево, затем полный шаг вправо, одновременно разворачиваясь на хайкик левой ногой, чтобы после этого встретить противника на фронткик, в простонародье – пинком в брюхо. Задумано было неплохо и даже могло получиться. Но в самый ответственный момент что-то с треском врезалось в левую скулу. Опорная нога ослабла, и ринг начисто вышиб дыхание из груди.

Последними о татами ударились ноги.

– Етить твою мать, – услышал Гриша. Перед его глазами моталось цветное переливающееся одеяло, пространство вокруг было наполнено гулким звоном колоколов. – Етить твою мать конем до селезенки!

– Мама... – выдохнул Гриша и застонал. Во рту было солоно, перекатывалось что-то твердое, и было очень трудно говорить. – Ой, бя...

– Бя – это не то слово, – снова сказал кто-то задумчивый и невидимый через разноцветное одеяло. – Что ж вы, соколы? Так вас разэдак, дубьем до горла...

Способность соображать вернулась к Грише не сразу. Он понял, что озабоченно-задумчиво-матерный голос – это тренер, соленое во рту – кровь, а твердое и катается – лучше сплюнуть. Потому, что это зубы.

Однако сплюнуть не получилось. При попытке сложить губы в трубочку и резко выдохнуть челюсть отзывалась такой болью, что цветная круговерть перед глазами резко потемнела, а утихнувшие было колокола в ушах ударили с новой силой.

«Челюсть сломана, – равнодушной черточкой букв проплыла на фоне цветного марева мысль. – Ну надо же...»

Неожиданно в ноздри ударил острый, хлесткий запах. Кто-то поднес ватку с нашатырем.

Гриша изогнулся, стараясь уйти от удушающей вони, отвернуться. Но кто-то невидимый все тыкал и тыкал ватой в ноздри.

– Ну едрит ежа косматого, против шерсти волосатого! – возмутился тренер. – Мало того, что вы его срубили, как сосну, так теперь еще удушить намереваетесь, обезьянья шишка дутая?! Что ты ему запихиваешь в нос, будто тампоны с крыльями?! Одного раза нюхнуть хватит.

Наконец завеса из пятен поредела, расплзлась в стороны, и Гриша увидел столпившихся вокруг коллег-программистов. Все как один бритые, раскрасневшиеся, потные, у кого-то по скуле расплывается свеженький синяк.

– Гришка, блин, ты извини. Я не хотел, – пробасил Леша. – В общем, совпало как-то. На прямой налетел. Я...

– Помолчи уж, лисья кочерыжка. – В поле зрения протолкался тренер с баллончиком и обратился к пострадавшему: – Глаза закрой. Лечить тебя будем.

Гриша послушно зажмурился. Слева зашипело, брызнуло чем-то холодным. Щека моментально онемела, боль съезжилась, исчезла. Показалось, что челюсть по-дебильному отвисла вниз и с нее стекает слюна.

– Руками не трогать, – предупредил тренер. – Глаза можешь открыть. Сейчас мы тебя к врачам доставим, едрит-мадрид. Встать сможешь?

Гриша окаменевшим, едва ворочающимся языком вытолкнул два зуба.

– Что это? – нахмурился тренер. – О-о-о...

– Это он зубы выплюнул, Василь Романович, – пояснил кто-то из молодежи.

– А то я не знаю! Женилка махровая! Давайте поднимайте его.

Сильные руки аккуратно приподняли Гришу за плечи. Усадили.

– Ну как?

Гриша кивнул.

– Поднимаем дальше.

Сидеть было легче, но обстоятельства требовали, и Гриша попытался устоять на ватных, подгибающихся ногах. Наконец, с третьей попытки, он смог удержать равновесие, чуть наклонившись всем корпусом вперед.

Тренер тем временем внимательно заглядывал ему в глаза.

– Зрачки в норме, кругов под глазами нет, прозрачная жидкость из носа и ушей... – Василий Романович Жуков, тренер секции по кикбоксингу, осмотрел голову пострадавшего. – Не наблюдается. В общем... Легко отделался. Давайте, ребята, ведите его в машину. Вот вы двое...

Случайно выхваченные из толпы Рома и Семен подхватили Гришу под руки и потащили с ринга.

– А остальные работайте, работайте! Чего застыли?! Кочергой вас дери! Рамиль! Займись ребятами!

Помощник тренера, долговязый Рамиль, кивнул и пошел по парам, раздавая задания. Тренировка, прервавшаяся на минуту, пошла своим чередом.

Уже в машине в кармане Гришиной куртки зазвонил сотовый.

– Давай я возьму, – проворчал тренер. Гриша был ему благодарен.

– Да! – Ответил Василий Романович. – Кто это? А это тренер Григория. Да.

Некоторое время он молчал, а потом обратился к Грише.

– Ты Серегу Столярова знаешь?

– Ыгы, – промычал Гриша.

– Знает, – удовлетворенно произнес в трубку тренер. – И чего? Сейчас? Ну... Он не может сейчас. Совсем. Да. У него травма. Почему руки, нет, не руки. И не ноги. Да. Голова. Работа?

Тренер покосился на Гришу.

– Нет, на его работе эта травма не скажется. На фигу ему голова на работе? Он же программист. Что передать? Чтобы подъезжал к Михалычу вместе с ребятами?

Жуков лихо выкрутил одной рукой руль на повороте, поджал его коленом и переключил передачу. Машина пошла ровнее. Пострадавший программист-кикбоксер побледнел.

– Подъедешь?

Гриша энергично закивал.

– Он подъедет. Сразу из больницы. Когда? – Василий Романович покосился на Гришину челюсть. – Ну... Часа через четыре. Не раньше.

– О! – поднимая палец вверх, коротко воскликнула полногрудая медсестра. – Наш клиент!

Гриша с подозрением покосился на нее и попробовал что-то промычать. Не получилось. Тренер, видимо, перебрал с заморозкой, которая за время дороги успела сковать не только челюсть, но и все лицо и горло. Глотать было невероятно трудно, и Гриша все время боялся подавиться собственной слюной. Говорить и даже мычать просто не получалось.

– Мы тут его... – Василий Романович неуверенно прочистил горло. – Немного подлечили... Вот... Да...

Гриша с удивлением посмотрел на тренера. Всегда громкий, нахальный и грубый, Василий вдруг стушевался, смотрел в пол, что-то мямлил.

– То есть, конечно, мы немного переборщили, видимо, но вы понимаете... Волновались... Молодое дарование... С целью... Так сказать...

– Молодое дарование вижу, – подтвердила медсестра. – Воспитываете молодежь?

– Ну, – тренер едва ножкой не закрутил по полу. – В меру сил, конечно, в меру сил...

– Сил, видимо, немало? – поинтересовалась медсестра, рассматривая челюсть Гриши.

– Нет, нет, – поспешно ответил Василий Романович. – Это не я.

– Надеюсь. Ладно, пойду подготовлю все. Вам надо бы рентген сделать... Вот направление, в тот кабинет, пожалуйста. – Она указала рукой. – Сами доберетесь? Или каталочку?

– Дойдем-дойдем! – замахал руками тренер. – Спасибо!

Он по возможности аккуратно поднял Гришу и повел в сторону указанного кабинета.

– Видел, Гриня, какая женщина, а? – прошептал Василий Романович на ухо своему воспитаннику. – Какие формы!

Гриша только головой покачал.

После рентгена, где веселые врачи в просвинцованных фартуках, с шуточками и прибаутками добавили к организму пострадавшего пару-другую рентген, их снова приняла та же медсестра, теперь в компании с седеньким доктором.

– Общество «Трудовые резервы»? – поинтересовалась медсестра.

– Нет-нет, клуб «Крэш-Тест». Программистов учим.

– Кого?

– Ну... Знаете там, компьютеры, периферия, программирование, сидячая работа, живот там, избыточный вес... Ну и, чтобы избежать разных проблем со здоровьем, есть мы. Специальная секция, спортивная.

– Проблем со здоровьем избежать, – задумчиво повторил доктор. – Это хорошо. Это правильно. Гиподинамия – страшная штука. Да. Так что у нас там за больной? Карточка есть? Карточка?

Медсестра протянула старичку пластиковую карту. Тот провел ею через считывающее устройство и взгляделся в монитор.

– Что у нас тут. Григорий Федорович Афанасьев. Ага... Угу... Перелом ноги... Проникающие травмы брюшной полости. Не болит, кстати? Нет? Что еще... Ушибы, ну это мелочи. Почки отбили, нехорошо, конечно... Да... О! Пулевое ранение в предплечье! Да... История болезни впечатляет.

Доктор перевел взгляд на Гришу.

– Программист, говорите?

– Ну, – вступился тренер. – Время какое было? Вы посмотрите на даты, на даты посмотрите. Переходный период. Волнения там... По улицам же ходить страшно было. Ну, посмотрите. Вот там...

– Да я вижу, вижу. Последняя травма год назад. Кстати, ровно, без двух дней. Это ж надо, целый год – и никаких повреждений. Давайте, милейший, в операционную...

Гриша вздохнул.

6.

– Боже мой, какие лица... – скорее простонал, чем проговорил, Антон Михайлович. – Какие типажи... Да.

Люди, стоявшие на пороге, более напоминали команду погромщиков, чем группу инфо-технологически продвинутой молодежи. Тонкие папки ноутбуков выглядели лишь нелепой насмешкой в руках этих бритоголовых, широкоплечих молодчиков.

– Не подкалывай, Михалыч, – чуть виновато пробасил один гость. – Мы не хотели.

– Оно понятно, – развел руками Михалыч. – Если б хотели, он бы сейчас на носилках лежал. Заходите. Что с вами поделаешь?...

Трое протиснулись в коридор.

– Ничего не изменилось с того раза... – пробормотал кто-то.

– Про тот раз лучше не вспоминайте! – с угрозой в голосе отозвался Михалыч. – Давайте. Одежду долой и в комнату. Там чай, варенье, булочки... Впрочем, кое-кому это все не пригодится.

Гриша, с перемотанной физиономией, грустно посмотрел на полковника и вздохнул.

– Ничего-ничего, – подбодрил его тот. – Теперь кашка жиденькая, никаких колбас, мяса. Только здоровая пища. Будешь в форме. Всегда готов, и все такое. Проходи, не задерживай.

– Красиво, – приветствовал Гришу Сергей. – Этот вопрос тебе, наверное, еще не надоел, так что я спрошу: где это тебя так?

Гриша показал средний палец.

– Выразительно, – прокомментировал Сергей. – Работать-то хоть можешь?

– Может, – радостно ответил один из пришедших с Гришей парней. – Это он всегда может. Вообще мы случайно. На тренировке шмякнули, ну и вот. Что тут поделаешь?...

Он налил в кружку чай, насыпал сахару, бухнул туда же несколько ложек варенья.

– Не слипнется?

– Нет, – уверенно ответил паренек. – Меня Рома зовут. А его Тимоха.

– Очень приятно. А меня Сережа...

– А мы виделись, – сказал Тимофей. – В прошлом году, в этом месте. Отдыхали...

– А... – протянул Сергей. – Ну да, конечно. Это многие помнят.

Гриша тронул его за плечо.

– А?

Гриша развел руками, говори, мол, чего звал.

– Ах да, правильно, – Сергей хлопнул себя по лбу. – В общем слушай, случилась у меня неприятность. Обворовали меня. При этом я не до конца разобрался, откуда пошла утечка. Вот Михалыч подозревает, что макет – у меня макет дизайнерский подрезали, – так вот, макет поперли из моего же компа. Ты знаешь, у меня сетевая машина, так удобней, но...

Гриша гадко сморщился, выражая свое мнение по поводу сетевых компьютеров.

– Ну да, я знаю. Но мне так удобней. – Сергей развел руками. – Да и безопасность до сего момента была на уровне.

Гриша сделал непонятный жест.

– Чего? Ты на ноуте набери... – Сергей встал, чтобы видеть, что пишет на экране друг.

– Кто тебе предоставляет СК?

– Сетевой компьютер у меня... Сейчас... – Сергей потер лоб. – Надо припомнить. Через «Батут» я захожу.

– Говно, – лаконично выразился Гриша. – Перебирайся на «Лопух».

– На Лопухе места мало, а мне под проект надо минимум гигабайт двадцать-тридцать. В любом случае, сейчас на это денег нет. Расчет был на гонорар, но его у меня увели.

- Что надо искать?
- Следы кражи. Если б я знал, что искать...
- Когда украли?
- Месяца два-три назад.
- А точнее?
- Фиг его знает.
- Блин.

– Емко, справедливо, но ничего поделывать не могу. Пропадаю. Выручай!

Гриша махнул рукой. Отвали, мол. Ткнул локтем Рому. Тот, в свою очередь, уставился в плоский, не толще альбомного листа, монитор.

– Ну, знаешь, – Рома всплеснул руками. – Это не по моей части! Я никогда...

Гриша показал другу кулак.

– Это насилие, кстати, над личностью, – Рома что-то прочел на экране. – И еще оскорбление!

– Давай делай, умелец, – прихлебывая чай, посоветовал Тимоха. – Я даже в экран не глядел, а знаю, чего он хочет?

- Чего это?
- Спорим?
- Спорим. На что?
- На сто отжиманий.

– Пойдет! – Рома азартно протянул руку. Тимофей схватил ее, а Гриша, не отрывая глаз от компьютера, «разбил». – Ну давай!

– Нудное сканирование баз «Батута», создание фальш-запросов, регистраций и эмулирование ошибок. Флудить систему будешь, в общем. Как профессиональный флудер.

– Блин...

– Чудной ты, Рома, – Тимофей пожал плечами. – Знаешь же, что первое дело в нашем случае – это затопить систему, а уже потом начинается настоящая работа.

– Но почему я?!

– Потому, что ты и есть флудер. Такая у тебя карма, – при этих словах Гриша пожал Тимохе руку и кивнул. Его глаза при этом не отрывались от монитора.

– Блин... – снова протянул Роман, он был явно расстроен. – Ладно тогда. Я пошел...

– Куда? – удивился Сергей.

– Отжиматься.

– Это потом, чучело, – проворчал Тимофей. – Сначала работа, потом развлечение.

– Ничего себе развлечение, – вздохнул Рома, но планшетку ноутбука открыл, выдвинул сбоку рамку голографической мышки. – Ну, поехали. Что сначала?

– Сначала найди живого админа. И не трогай его. Работай только с программой. Никаких обращений к настоящему администратору до поры до времени.

– Понятно.

Гриша жестом подозвал к себе Сергея и указал на монитор.

– А ради чего мы это все делаем? – После строчки стоял большой жирный знак вопроса. Сергей дотянулся до клавиатуры и написал:

– Ради мести.

– Какова концепция? – настучал на клавишах Гриша. – Давай, у меня есть время, пока эти двое со своей работой справятся.

Сергей немного подумал, сел рядом и пододвинул к себе ноутбук. Сзади к ним подсел Михалыч с кружкой чая.

– Мечь, – написал Сергей. – Это... как сформулировал когда-то Ювенал: «Мечь есть наслаждение души мелкой и низкой». Этому автору принадлежит несколько неплохих афориз-

мов, но к человеку, написавшему, что «запах прибыли приятен, от чего бы он ни исходил», мы прислушиваться не станем. Другой мудрец считал, что «лучшая мечь – это забвение, оно похоронит врага в прахе его ничтожества». Хороший человек. Но слишком неземной. Про субъективное восприятие реальности, видимо, не слышал ничего. Вообще, множество разных философов обращалось к теме мести с негативной стороны. Что, в общем-то, понятно, так как большинство мыслителей часто слабы. Как физически, так, чаще всего, и духовно. Отчего и рождались разного рода либеральные идеологии, философия упадничества, декаданс и тому подобное. Для слабого духом отомстить – это пройти мимо и «забыть». Понятно, что при такой жизни «забывать» придется все чаще и чаще. Или же забыть, напрочь забыть про любой рост. Потому что поживиться на дармовщинку, безо всякой ответственности, найдется уйма желающих. И Закон в этой ситуации не поможет. Потому что в реальном мире Закон помогает только тому, кто старательно помогает себе сам. Не говоря уж и о том, что обращение к Закону уже само по себе часть мести. Таким образом о благодушии «великомудрых» мы можем уверенно забыть, раз и навсегда приняв одну основополагающую добродетель – Мечь.

Мечь может быть скорой. Отложенной. Медленной. Жестокой. Хитрой. Мягкой. Уничтожающей. Милосердной. Мечь может быть любой. Главное – она должна быть!

Мы обязаны мстить.

Обязаны себе. Своему развитию.

Мы хотим сделать шаг вперед? Значит, мы должны быть готовы к мести тем, кто станет сопротивляться нашему движению.

Желающие нагреть руки за чужой счет должны раз и навсегда понять, им в нашем огороде слишком накладно. Не их кормушка.

Только понятие личной мести способно поднять человека на должный уровень. Так же, как угроза Атомного Армагеддона сдержала мир от опасностей ядерной войны, так угроза мести должна удерживать нечистоплотных людей от каких-либо агрессивных действий в отношении нас. Мы готовы к мести так же естественно, как мы готовы к взаимовыгодному сотрудничеству.

Любой вор или бандит, любой горский террорист должен понимать, что за смерть чьих-то близких будут отвечать его родные и он сам. Так должно быть!

Это достойно.

Убийца, посаженный в тюрьму, будет убит, как только выйдет из нее. Пусть через десять, через пятнадцать лет. Ему должны будут отомстить дети тех, чью кровь он пролил.

Мечь – это не агрессия!

Мечь – это защита. Это оборона. Это наша броня.

Страховка, если хотите.

Мечь – это добродетель. И к черту разглагольствования слабых. Их мир или уже кончился, или так и останется в будущем.

И слава богу...

– Готово, – сказал в напряженной тишине Роман. – А чего это вы замолчали? Я что-то пропустил?

Программисты оторвались от экрана и подошли посмотреть на результаты Роминоного труда.

Гриша втянул носом воздух и хлопнул себя по бедрам. Затем уставился в потолок.

– А чего не так? – удивился Рома, наблюдая с некоторой опаской эту пантомиму. – Чего не так-то?

– Не так? – спокойно поинтересовался Тимофей. – Все не так.

И, обращаясь к Грише, спросил:

– Ударить его?

Гриша энергично закивал головой.

– Эй, я...

Договорить Роман не успел.

Тимоха резко присел и вогнал кулак ему в солнечное сплетение.

Рома захрипел и упал под стол.

– Ну, начинается, – удовлетворенно проронил Михалыч и сел в кресло. – Давайте, парни. Давно я ремонт не делал.

– Тебе что говорили? – зло шипел Тимофей, прижав Ромку к полу. – Тебе что говорили, удолбок?! Тебе говорили не трогать живого админа! Не трогать! Понимаешь, ты?!

Роман хрипел, кашлял. Его лицо покраснело.

Гриша склонился над ноутбуком и что-то рассматривал. Потом похлопал Тимофея по плечу и сделал какой-то жест.

– Ага! – Тимоха поднял Романа, сунул коленом в живот и зашвырнул его за диван. – Идиот...

– Ребят? – осторожно позвал Сергей. – А чего случилось?

Гриша махнул рукой и забарабанил по клавиатуре.

– Этот баран, – ответил Тимофей, – дал себя надуть и ухитрился нахамить живому админу. Вместо того, чтобы разбираться с софтом, попер на живого человека.

– И что теперь?

– Теперь нас просекли и держат.

– И что? Соскочить никак?

– Теперь, понятное дело, уже никак! Если бы этот кретин не повелся, как идиот, на разводы и не базарил бы с админом, пока они нас высчитывали... Теперь, в общем, поздненько метаться. Отвечать надо.

– Отвечать?

– Ну да. Чего ты думаешь, админы там какие-то другие? Или мы с Гришей особенные? Нет. Все та же мафия. Никто не любит, когда у тебя по серверу шарятся какие-то засранцы.

Его в бок ткнул Гриша. Указал на монитор.

Сергей подошел ближе и тоже заглянул в светящуюся рамку.

– Ничего не понимаю. Какие-то цифры.

– Это методика, какой они нас просчитывали, – пояснил Тимофей. – Остроумно, нечего сказать.

Из-за дивана со стоном выполз Роман.

– Ребята... Ну простите... Я не думал, что он так шифруется. Я думал – это программа.

– Ага. Программа. Ламер. Если у нас следующий раз будет, я тебе ногу сломаю.

– Так все серьезно? – спросил Сергей.

– Ну, типа того, – Тимофей развел руками. – Нам на стрелку идти. А у нас...

Он указал на перекошенную Гришину физиономию.

– Ну так... мы... То есть я, с вами.

– И меня заодно припишите, – подал голос Михалыч. – Я, конечно, староват, но для массовки сойду.

– А Маша?... – поинтересовался Тимофей.

– Без жены обойдемся, – отмахнулся Михалыч. – Это ж дальнобойная артиллерия. Да и к тому же она у родственников сейчас. Когда стрелка-то?

– Завтра.

Гриша щелкнул пальцами и показал на монитор.

– Возможно, это кстати. – Его пальцы выбили на клавиатуре стремительную барабанную дробь. – Поскольку через их сервер уплыла информация, то, может быть, получится раскрутить батутцовцев на информацию вполне легально. Только надо как-то представить тебя...

И Гриша ткнул пальцем в Сергея.

– Пиар тебе нужен грамотный. Есть у тебя рекламщик какой-нибудь, фрилансер?
Сергей почесал затылок.

– Ну, вроде есть один парнишка. Условно выражаясь, конечно, парнишка. Псих полный, но зато бесплатно может. Его контузило в армии. С тех пор паренек со странностями.

– Звони. Бесплатно – это то, что нам нужно.

7.

– Не, ребята, вы, конечно, молодцы, но сейчас никак, – фрилансер стоял на пороге и жался, одетый лишь в семейные трусы с маленькими «плейбойскими» зайчиками. В подъезде жестоко дуло, многие окна были повывбиты, на лестнице лежал снег.

– Ты ж еще не знаешь, зачем мы пришли, – удивился Сергей.

– Тоже мне, загадка. Хотите от меня чего-нибудь. С какой другой радости вы бы завалились ко мне на ночь глядя? Так вот, чтобы отмести сразу ненужные надежды и ожидания... Ну, вы понимаете, мне очень жаль, но ваша проблема на данный момент времени не имеет возможных вариантов решения... – с этими словами фрилансер неторопливо закрыл дверь.

– Впечатляет, – покачал головой Михалыч. – Умеет парень себя подать. То, что нам нужно.

– Да елки-палки! – Сергей разозлился. – Что он мне мозги морочит?!

Он забарабанил кулаком в дверь.

– Олег! Открывай, блин!

– И незачем так надрывать, – донесся из-за двери приглушенный голос пиарщика.

– Скотина, ты меня не узнал, что ли?!

– Нуу... А кто это?

– Я!

– Я бывают разные, – подсказал Михалыч.

Сергей плюнул под ноги.

– Серега это! Серега! Ну, блин, Красноярск помнишь?

За дверью что-то зашебуршалось, потом наступила задумчивая тишина.

– Столяров, что ли?

– Да!

Щелкнул замок. Дверь распахнулась. На пороге стоял все тот же мужчина в трусах. Длинные волосы были всклокочены и торчали в разные стороны. Один глаз прикрыт, второй с некоторым скепсисом оглядел пришедших. Должно быть, увиденное удовлетворило фрилансера, он сонно кивнул, посторонился и сделал приглашающий жест. Проходите, мол.

– Раздевайтесь, проходите, – пробормотал он, зажигая свет. – Меня зовут Олег, если кто не знает. В общем, давайте, почувствуйте себя, как дома.

И он ушел в комнату.

– Аня, вставай, у нас гости.

– Опаньки, – хмыкнул Тимофей, рассматривая разбросанные вокруг детали женского гардероба. – Мы его, по ходу, сорвали...

– Ничего, – проворчал Сергей. – Не помрет!

– Ну, проходите там! – крикнул из комнаты Олег.

– А удобно? – поинтересовался Михалыч, появляясь в дверном проеме. – Ой, извините...

Обнаженная девушка стояла посреди комнаты, задумчиво наматывая на палец ажурный чулочек.

– Ерунда, – она махнула рукой. – Олежка, где мои трусики?

– Не помню, – Олег натягивал узкие кожаные штаны. «Молния» не застегивалась, трусы с «плейбойскими» зайчиками все время лезли в замок. Наконец, справившись со злокозненным изобретением шведа Суидбака [Изобретение застегки-«молнии» запатентовано шведом Гидеоном Сундбаком в 1913 году.], Олег облегченно выдохнул и спросил с легким удивлением:

– А они вообще были?

– Точно! – Девушка звонко и весело засмеялась. – Не было!

– Ну вот, видишь. Все просто. Вы заходите, заходите!

Пришедшие гурьбой столпились в дверях. Девушка тем временем без всякого стеснения продолжала одеваться.

– Может, вам чаю сделать? – спросила она, натянув коротенький сарафанчик, из-под которого высовывалась резинка чулок.

– Сделать, сделать, – кивнул Олег. – Иди, Анька, не смущай людей.

Аня хмыкнула и упорхнула на кухню, оставив после себя разобранную кровать и легкий запах чего-то сладкого, то ли духов, то ли женского тела.

– Ну, так и будем в дверях стоять? – поинтересовался Олег. – Мало того, что из постели выдернули, так еще и молчат. Давайте рассаживайтесь, кто где упадет.

Сергей вошел первым, накинул на кровать покрывало и сел на краешек. Рядом пристроился Михалыч. Остальные плюхнулись прямо на пол, около стены.

– Итак. Слушаю, – Олег выжидательно посмотрел на Сергея.

– Тебе коротко или подлиннее?

– Сначала коротко. А потом видно будет.

– Если просто, то меня кинули на бабки.

Олег кивнул и прищурился. Теперь оба его глаза были одинакового размера. И здоровый, и тот, что остался парализованным после контузии и полностью не открывался никогда.

– Ребята вот, – Сергей указал на своих друзей. – Мне помогли. Но столкнулись с проблемой. Завтра нам на стрелку ехать. И... И... – Тут Сергей замолчал, не зная, как сформулировать суть проблемы.

– И ему надо подобрать имидж, чтобы он выглядел посолидней, – пришел на помощь Михалыч. – Потому что завтра мы едем разговаривать с админами сервера, который... Черт. Теперь и я застрял. Выручайте, программеры.

– В общем, админы должны понять, что Серега у нас человек серьезный и уважаемый. Ну вот такой, – Тимофей растопырил пальцы. – А его обидели, и все такое.

– Классно, – тряхнул нечесаной гривой Олег. – А я тут при чем?

– Ну как? – Сергей развел руками. – У меня никого, кроме тебя, в этой теме нет.

– В какой теме? Позвольте поинтересоваться...

– Ну, в пиаре.

Некоторое время Олег молчал, задумчиво рассматривая гостей.

– Это пять, – наконец выдохнул он. – В пиаре, значит. На кой черт тебе пиар?

– А что тогда?

– Визажист.

– Кто?

– Вот она, – Олег показал на вошедшую в этот момент Аню с подносиком. В дополнение к коротенькому сарафанчику на ней появился еще и маленький беленький передничек, от чего она стала очень похожа на игривую французскую горничную.

– Вот я, – подтвердила Аня, ставя поднос на низенький столик, для чего ей пришлось нагнуться. – Тут сахар, молоко и печенье. Что-нибудь еще?

– Поручик, молчать, – пробормотал Михалыч, но его никто не услышал.

– Еще, – подтвердил Олег. – Вот этому нахалу, которого я, впрочем, очень люблю, нужен визажист. И стилист.

– Этому? – Аня, изящно ступая босыми ножками, длинными, словно у олененка, подошла к Сергею и растрепала ему волосы. – Он и так милый, чего нужно сделать?

– Вот именно, что нужно, чтобы он был не милый. То есть совсем не милый.

Аня скорчила забавную физиономию и потянула Сергея на себя. Поставила посреди комнаты. Обошла вокруг. Посмотрела на лицо в профиль. Потом анфас. И в три четверти.

– Выпрямись, – она хлопнула его по пояснице. – Плечи вот так.

Ее тонкие пальцы забрались в его волосы, уложили так, сяк, снова разлохматили.

– Ты хочешь, чтобы он был brutальный мачо?
– Я? – Олег удивленно раскрыл правый глаз. – Я вообще ничего не хочу, кроме как выспаться.

– Даже не надейся, – Аня хихикнула.

– А вот он, – Олег снова указал на Сергея, – он хочет.

– Ну, мачо, может быть, не стоит... – чувствуя неведомо откуда взявшуюся робость, сказал Сергей. – Но надо как бы... Чтобы вышло так... ну...

Он растопырил пальцы.

– Ах вот как! – Аня даже присела от радости. – Это можно. Правда, придется тебе выполнить ряд моих требований и указаний.

– Это он с радостью, – ответил за Сергея Михалыч. – Хотя простой прической тут не обойтись. Антураж нужен.

– Антураж... – начал было Олег, но Аня его опередила:

– Антураж – это к нему. Он у нас большой специалист по антуражу! Большой выдумщик.

Правда, милый?

Олег, который так и застыл с открытым ртом, устало опустил руку, которой, видимо, собирался перекинуть «стрелки» на свою подругу.

– Верно. Успела. Давайте мне вводные. И будет вам антураж. Что у нас есть?

– Мы, – Михалыч развел руками. – Эти трое программисты. Вот тот, что с челюстью, Гриша, тот, что справа, Тимофей, слева Роман. Я – Михалыч. Программеры идут за бойцов. Я за массовку и на подхвате. Серега как бы вне драки.

– Хорошо. Дальше.

– наших бойцов запалили в момент, когда они ломали базу Батута. Тамошние админы обиделись. Забили стрелку. Наша игра на том, что мы не хамы, а за правду.

– А в чем правда, брат?

– Правда в том, что уважаемого человека, – Михалыч ткнул пальцем в Сергея, которого в этот момент Анечка уводила в ванную, – обидели какие-то уроды. И они, уроды, подставили батутцев.

– Понятно.

– Тем более что это все почти правда. Чуть-чуть акценты надо сместить. И все.

– А что из себя представляют админы этого... каната?

– Батута?

– Ага.

– Ну, посмотри на наших программеров. То же самое с незначительными вариациями.

– Только, – вмешался в разговор Тимофей, – у них работа официальная, а значит, и фичей больше.

Отвечая на вопросительный взгляд Олега, Михалыч перевел:

– Материальная база выше.

– А по количеству?

– Тоже много, – подтвердил Тимофей.

– Понятно, – вздохнул Олег. Он встал, подошел к шкафу, вытащил откуда-то из-за ровных рядов дисков расческу и принялся остервенело драть свою шевелюру. В тишине было слышно, как потрескивают, обрываясь, волосы.

В комнату забежала Аня, открыла тумбочку, порылась в ней, выудила какой-то платок и снова ускакала.

– Не опасаясь? – поинтересовался Рома, провожая девушку взглядом.

– В смысле? – не понял Олег.

– Ну, одни они там...

– Дурак ты, Рома, – прокомментировал Тимофей.

– Не боюсь, – Олег совершенно не удивился постановке вопроса. – Я Серегу знаю давно. Он в этом плане безопасный. Более стеснительного человека я в жизни не видел.

– Ну, в тихом омуте...

– Эти черти, видимо, в наиболее глубоком месте засели. Так что... – Олег встряхнулся. –

На чем я остановился?

Он собрал волосы в хвост. Стянул их резиночкой.

– Ах да... В общем понятно. Надо по количеству бить качеством. Иначе у нас вариантов нет вообще. Что с челюстью?

– Трещина, – ответил Тимофей.

– Повязку можно снять?

Гриша кивнул.

– Но говорить нельзя, – снова влез Тимофей. – И драться, в общем-то, тоже.

– А и не надо будет. Будешь проходить в качестве комода.

Гриша удивленно вскинул брови и что-то промычал.

– Ничего-ничего, – успокоил его Михалыч. – Для дела, надо.

В комнату снова влетела Аня.

– Итак! Воспринимайте!

В коридоре смущено кашлянули, и в дверь вошел мужчина лет тридцати пяти, с длинными, черными, прилизанными и забранными в хвост волосами, в черном пиджаке, белой майке и черных штанах. На ногах у него оказались неведомо откуда взявшиеся остроносые ботинки со шпорами. На щеках двухдневная щетина.

– В анфас не смотри, – шепотом подсказала Аня.

Сергей дернулся и повернулся в три четверти.

– Так?

– Да. И запомни, только так. Иначе у тебя вид дурацкий, а это за полчаса не убрать.

– Кого-то мне это напоминает, – нахмурился Михалыч. – Еще бы вспомнить, кого...

– Ой, мальчики, – запрыгала на месте Аня. – Как мне все это нравится!!!

От прыжков ее сарафанчик чуть задрался, и мальчики беспокойно заерзали.

– Ой попса, ой попса... Ну неужели ничего более оригинального нельзя было выдумать? – простонал Олег.

– Ну, знаешь! – Аня возмутилась и топнула ножкой. – Какая фактура, такой и результат!

– Ладно, ладно, – примирительно произнес Олег. – Типаж стандартный. Сейчас мы с вами сценарий накидаем. И сделаем пару звонков.

Он подошел к Сергею, поправил платочек, чтобы тот как бы неряшливо высовывался из кармана, и прошептал:

– А с тебя, засранец, бесплатная разработка оформления моей халабуды. Сколько уже обещаешь?!

– Будет! – твердо ответил Сергей.

8.

Утро было пасмурным. Ночью что-то в природе изменилось. Воздух потеплел, и снег превратился в редкий дождь. За окнами автомобиля, покрытыми крупными каплями, качались черные голые ветви.

Машины стояли на большой поляне, со всех сторон окруженной кустарником и высоченными елями. Место тихое, удобное как для семейного пикника, так и для разборок. По какой-то удивительной случайности дорожные патрули, заезжая на эту территорию, всегда включали сирены на полную громкость, заранее оповещая о своем приближении. Вероятно, поэтому район дурной славой не пользовался. Здесь никогда и никого не ловили. К тому же поляна имела два удобных подъезда с разных сторон.

Гриша тяжело вздохнул. Челюсть, освобожденная от повязок, болела и иногда будто бы отвисала. Гриша обеспокоенно трогал щеку, словно убеждаясь, что все в порядке.

– Не дергайся ты, – проворчал Тимофей, протирая боковое стекло от обильно выступившей на нем влаги. – На месте твои зубы, на месте.

– А зубы, кстати, не совсем, – подал голос с заднего сиденья Роман. – Зубы он еще вчера выплюнул.

Гриша многозначительно покосился в его сторону, и Рома смущенно замолчал.

– Может, пойдём? – не выдержал угрюмый парнишка, которого на всякий случай выдернули из «Крэш-теста» для поддержки. – Сил нет торчать тут. Давайте, как в прошлый раз, бац, и понеслась!

– В прошлый раз нас больше было, – ответил Тимофей. – И вообще мы в своем праве были. А сейчас другой расклад. Ты главное запомни. Если стрельба пойдет, падай на землю и не отсвечивай. Понял? Не твои это разборки. Ты только для кулаков тут. Понял, спрашиваю?

– Да понял я, понял... просто адреналин уходит. Елки.

– Может, и не понадобится.

В это время на поляну с другой стороны подкатили два «Хаммера».

– Ого, – выдохнул Рома, хотел было что-то сказать, но ступевался.

– Кажется, они, – шепнул Михалыч.

– Они, – утвердительно ответил Тимофей, а Гриша грустно кивнул.

«Хаммеры» встали поперек дороги, перегородив возможные пути к отступлению.

– Решительно действуют, – с сожалением проронил Тимофей. И, обращаясь к Михалычу, спросил: – Твои связи не подведут, а?

– Не должны, – ответил Михалыч, поглядывая на часы. – Сценарий пойдет минуты через две.

– Сидим ждем. Пусть первые вылезают.

В «Хаммерах» тоже не спешили. Через приоткрытое окно слышалось, как бухает музыка в подъехавших машинах.

– Накручиваются.

– Интересно, сколько их там? – снова высунулся сзади Рома.

– Вот тебя бы им отдать, точно бы выяснил. Гад, – буркнул Тимофей. – Засохни, если еще раз тебя услышу, убью.

Роман засох.

– Время подходит... – забеспокоился Михалыч.

В этот момент все двери «Хаммеров» широко распахнулись, и на поляну выпрыгнули рослые, в переливающихся куртках парни.

– Пошли! – скомандовал Тимофей, и команда выскочила наружу. – Идем на сближение. Сходились решительно.

В какой-то момент Тимофею показалось, что разговора не будет, а вот так прямо с разгона сшибутся и все ухищрения и хитрости пойдут прахом.

«Ввязался же!» – мелькнула паническая мысль.

Однако, не дойдя десятка шагов, основная масса бойцов остановилась. Движение продолжал только один. Тимофей сделал знак своим и дальше пошел в одиночестве.

– Ты отвечать будешь? – поинтересовался лидер батутинских.

– А ты предъявлять?

– Ну.

– Тогда я и отвечу.

Батутинский хрустнул шеей и уже начал было разворачиваться в стойку для драки, но Тимофей поднял руку.

– Эй, эй, погоди. Вот так сразу не пойдет.

– А чего? – удивился его противник. – Тред будем разводиться? Тут флудить не о чем, брат. Чатить не к месту. Или у тебя есть чего слить?

– Есть, – Тимофей резко развел руками и отметил, как за спиной у батутинского лидера кто-то дернулся.

«Все-таки дрейфят, – подумалось ему. – То ли справки навели, то ли узнали. Потому и две тачки пригнали. Дрейфят!»

– Инфа мастхэвная[Мастхэвная – от **must have**(англ.), то есть «нужная». Слова и выражения взяты из неформального околокомпьютерного сленга.]. Это тебе не свап на ящик кидать.

– Ну валяй, я тебе открою аксес. Но учти, если пойдет битый битрейт, извини, забаню без базара.

– Договорились. Только с кем я говорю, ты скажи сначала.

– Коля.

– Тема, – так же коротко отозвался Тимофей.

– Так скажи мне, Тема, в нашей базе вы копались?

– Мы...

– Как ламеры, как ламеры, – Коля покачал головой и усмехнулся. Зубы у него были белые, блестящие и, видимо, фарфоровые.

«Удобно, – подумал Тимофей. – Выбили, поставил, лишь бы челюсть была цела».

– Да чайник работал, чайник. Не уследили, верно. Молодой, глупый. Но ты пойми, на ваш дефенс только молодого и пускать. Любой продвинутый там со скуки умрет.

Улыбка сползла с лица Коли, он прокашлялся.

– Ты следи за потоком. Если есть что по делу сказать, то и говори. На кой черт вы вообще в нашу арею влезли?! Мы и за меньшее раскатывали! Флудеры!

– Не гони. Я про то и хотел сказать. В общем, ребята, не правы вы.

– Мы? – Коля ударил себя в грудь и наклонился вперед, подставляя ухо поближе. – Ну-ка повтори? Я что-то слышать стал плохо.

Тимофей поборол желание засветить с правой по любезно подставленной голове и повторил:

– Вы не правы, ребята. Seriously. Это не кик, братва, это баном пахнет.

– Да ну?! – Глаза у Коли от такой наглости оппонента сделались круглыми. – Да ты хоть знаешь, под кем мы ходим? Ты сам-то...

– Да знаю я, знаю! Мы все мелкомягкому отчисляем, потому нечего меня пугать. Если бы мы с тобой из разных контор были, то тут не мы бы разговаривали! Так что разводящих не будет. Понимаешь? Это наше с тобой дело. Никто не будет в него лезть, особенно сверху. Это, я надеюсь, понятно? Так что рассказывать мне про лицензию не надо. И если бы не ваши чайники, которые на сервере сидели, все вообще было бы тихо-мирно. Мы скандала не хотели, ей-богу. Мы без шума и пыли хотели найти уroda, который вас подставил.

– Чего ты мне грузишь?! Какого уroda?! Кто подставил?! Твои придурки ломали мою, слышишь, мою базу! И теперь ты, лично ты, мне втираешь про какого-то козла, который меня подставил? Ты признал, что вы копались у меня на сервере. И сейчас спрыгнуть хочешь? Нет, братец, отвечать за свои дела надо!

– Я отвечу! – вдруг заорал Тимофей. – Я отвечу! Хоть сейчас!

Он развел руки в стороны.

– Давай! Вали меня прямо тут. Мои вмешиваться не будут! Давай! Не ссы! Делов на копейку! Хлоп! И закопал! Только потом!... – Тимофей снизил накал. – Потом тебя уже никто не прикроет. Потому что прокололись твои орлы. Ой как прокололись! Может, мне им сказать перед тем, как ты меня грохнешь, во что они влипли?

Коля покачал головой, вздохнул, посмотрел куда-то вверх, в падающий с неба дождь, и заявил спокойным тоном, гораздо более страшным, нежели крик:

– Ты меня достал! Или лей инфу, конкретную. Или хватит флуд разводить.

– Хорошо, – легко согласился Тимофей. – Инфу так инфу. В общем, слушай, с твоего сервера дернули данные. Целый массив. Как вы упустили такой поток, я вообще не понимаю, но это ты сам разбирайся. Да еще наследили там, как слоны. Куда твои парни смотрят?... Твое дело, не лезу. Сам найдешь, при случае, там проще простого.

– Ну и что? – Коля был прав. Конечно, мало какому админу приятно, что у него из-под носа воруют данные, но ничего сверхнеобычного в таком происшествии не было. Когда все, буквально все вокруг, нашпиговано процессорами, банками памяти, дисками, программами, нет ничего удивительного в том, что происходит постоянный обмен информацией. А уж легальный или нет...

– А то, что массив этот принадлежал одному очень серьезному человеку.

– Да ну, – Коля насторожился, но не поверил. – На «Батуте»? Серьезный человек?! Ты гони, да смотри куда! Серьезные, сам знаешь, где сидят. Гонщик!

– Как знаешь, как знаешь, можешь не верить, но тем не менее. Факт остается фактом. Он вообще псих, конкретный. Хрен его знает... В общем, если честно, то такие долго не живут. Может, он больной или еще что-то. Но с работы сутками не вылезает. Псих, я говорю. Таблетки жрет. Мы хотели по-тихому.

– А ты-то его как знаешь?

– Случайно. – Тимофей услышал, как вдалеке за лесом взревел мотор. – По знакомству. Знаешь, как бывает. Седьмая вода на киселе и все такое. Я не знаю, как тебе, но для меня это шанс. Или пан, или пропал. Ты сам видишь, я сюда не всех притащил. Мне до фени, кто теперь меня замочит. Или ты, или он. Но если мы сейчас договоримся, то шанс появится у всех.

Коля помолчал, взвешивая услышанное.

Потом сплюнул под ноги Тимофею.

– Ты обоссался от страха, ламер. Потому и гонишь пургу эту зеленую. Твои геморрой меня не волнуют. Понял?! Твои баги – это твои баги. Нехер их на меня грузить. Ты тут отвечаешь за то, что в мои базы лез! Понял?!

Рев приближался.

Что-то рычало, густо, басовито, тяжело.

Коля замолчал, обернулся. Его люди зашевелились, волнуясь.

Из-за ближайших деревьев уже слышался треск сучьев. Пару раз ощутимо вздрогнула земля.

Водитель «Хаммера», почувствовав неладное, завел двигатель и начал осторожно откатываться в сторону. Второй не успел даже завестись.

На поляну, как взбесившийся кабан, как почуявший кровь медведь, не разбирая ничего на своем пути, вылетел БМП. И, не снижая хода, рванул к собравшимся.

На дороге ему попался «Хаммер», водитель которого не успел завести мотор, зато сумел выпрыгнуть. Страшный удар в скулу, и могучий внедорожник отлетел в сторону, будто картонная игрушка. Второй машине повезло больше, она умотала в кусты своим ходом.

– Я ж говорил, псих! – воскликнул Тимофей. – Только не дергайся! Всех же положит, сука!

БМП затормозил буквально в пяти метрах от людей. Колеса мощно сорвали дерн, двинув его перед собой черной волной земли и жухлой травы.

Верхний люк откинулся, и из него выскочил Сергей.

– Суки! – не дав никому опомниться, заорал он. – Говно! Где этот урод!

– Ты че меня подставляешь?... – прошипел Коля.

– Стой, не дергайся, – точно так же, уголком рта прошипел Тимофей. – Стой, не дергайся...

Сергей соскочил с брони и, оскальзываясь на слякоти, кинулся к Тимофею.

– Где он?!

Во время бега Сергей старался держаться так, как его учила Анечка. В три четверти. Получалось довольно по-идиотски, но в сочетании со словами Тимофея о том, что «клиент чокнутый», смотрелось впечатляюще.

– Там, там! – испуганно завопил Тимофей, указывая пальцем в сторону Гриши.

Сергей на ходу развернулся и кинулся к отступающему в сторону автомобиля Грише.

– Я тебя порву! – орал Сергей. – Порву! Ты меня в говне! В говне, сука, вымарал! Я порву...

Гриша только жалостно мычал и строил страшные гримасы, стараясь не слишком двигать челюстью.

Наконец Сергей его настиг, опрокинул в грязь и набросился сверху. Закрыв телом Гришино лицо, он раз за разом вгонял кулак куда-то в землю. Заранее припасенный пакетик с краской лопнул в рукаве, щедро залив «кровью» всю руку.

– Немого бьет, – всхлипнул Тимофей. – Это ведь он твой сервак ломанул... Молодой ведь... был. Немой...

Измочалив Гришу до состояния актера, загримированного под фильм ужасов, Сергей поднялся, тяжело дыша. Изогнулся. Захрипел.

Тут же из БМП выскочил Олег в сером костюмчике и опрометью кинулся к Сереге.

– Таблеточки, таблеточки забыли, господин Серегин. Таблеточки...

– Я тебе... – хрипел Сергей. – Я тебе не Серегин!... Я... Я... Чума... Чума меня...

– Простите, простите, господин Чума! Простите. Таблеточки. – Олег лебезил вокруг, старательно подсовывая пакетик с витаминами.

– Суки... – Господина Чуму «отпускало». Он проглотил пару витаминных облаток и отошел от тела Гриши. Тот тяжело ворочался в грязи.

Сергей сделал несколько шагов в сторону. Потом, словно бы что-то вспомнив, вернулся. Достал пистолет. И два раза выстрелил Грише в грудь. Пули выбили из тела фонтанчики крови. Ноги жертвы скрутила конвульсия.

– Пришьет, – снова всхлипнул Тимофей. – Как есть пришьет.

На лице Коли читалась нерешительность, с одной стороны, он был готов к разборкам и к любым последствиям, но, с другой стороны, подышать от руки какого-то сумасшедшего...

«Ведь действительно пальнет, и все. И кончено, – промелькнуло у Коли в голове. – Сам он сдохнет. Это ясно. Вон как колеса глодает. Но мне с того не легче будет...»

– Тимоха, – ласково позвал Сергей. – Тимоха...

– Да? – Тимофей добавил дрожжи в голос. – Чума...

– Какой я тебе Чума? – Сергей покрутил пистолетом перед лицом. – Я тебе не Чума. Я тебе господин Серегин... Подойди... Подойди...

Тимофей сделал несколько шагов и остановился.

Сергей сам подошел ближе, обнял Тимофея за шею и шумно зашептал на ухо.

– Если завтра! Завтра! У меня не будет этого козла! Этого урода, который меня кинул! То вместо него я разберу на запчасти тебя. Или кого я должен разобрать? Может быть, его?

Сергей ткнул стволом в Колю.

– Нет, нет... – пролепетал, откашлявшись, Тимофей. – Его не надо. Мы с ним уже договорились. Обо всем. Так ведь?

– Так... – неуверенно ответил Коля.

– О чем? – ласково поинтересовался Сергей.

– А вот ребята нам добровольно помогут. И передадут данные на этого гада.

– На этого урода, – поправил его Серега.

– Да, да. На урода.

– А когда?

– Буквально... Сейчас... – Тимофей посмотрел на Колю. Тот колебался.

В этот момент БМП вдруг ожил и повел башней из стороны в сторону. Пушка опасно опустилась.

– Да, – твердо заявил Коля. – Легко.

Тимофей махнул рукой, и к ним прибежал Рома с коробочкой ноутбука.

– Сейчас все будет. Все будет...

– Господин Сергеев, господин Сергеев... – Олег снова обнаружился неподалеку. – Таблеточки вот... И вам нельзя так волноваться... В машинку бы.

– Ну, в машинку так в машинку... – великодушно согласился Сергей, пряча пистолет.

«Труп» Гриши спешно и аккуратно был упакован в полиэтилен и заложен в багажник.

Господин Серегин-Сергеев-Чума позволил себя препроводить в БМП под руку.

– Вот тут доступ нужен, – бормотал Тимофей, подсказывая Коле необходимые действия. – И здесь неплохо было бы посмотреть... Да... Может, и не понадобится. Может, он ласты склеит раньше. Сам же видишь, псих. Но при бабках и крутой. Отмороженный. И сюда тоже надо... Да. Таких мало осталось.

Коля все делал на автомате. Адреналиновый приход уже отпустил, и на его место пришла апатия.

Когда машина, в которой лежал упакованный в целлофан Гриша, тяжело раскачиваясь на колесах, оставленных броневиком, уехала с поляны, Коля подошел к изуродованному «Хаммеру». Удивительно, но машина пострадала не сильно. Колеса остались на месте, движок, правда, заводиться отказался напрочь. В остальном – смятое железо, пустяки.

Пока парни цепляли пострадавшую машину ко второму внедорожнику, старший администратор «Багута» отозвал своего заместителя в сторону.

– Ты мне этих вот орлов с танком найди. И запомни. И чтобы в любое время дня и ночи, спросонья и с похмелья, ты мог мне сказать, где они и что делают. Это понятно?

9.

– Гришу из багажника достаньте! – радостно кричал Тимофей, дробно выстукивая что-то по клавиатуре. – Я тут без него не разберусь.

– Да ладно! – Рома повис у него на плечах. – Ты был крут! Как ты его?! А?! Я вообще! Я вне себя был. Это же песня! Это, как в кино! Это круче, чем в кино! Михалыч!

Роман хлопнул Михалыча по плечу. Тот утомленно вздохнул.

– Михалыч! Ну как? Как ты достал БМП? А? Ну скажи?! Мне надо, я к подруге приеду! Прикинь? Раз так! И на БМП! Круто же! Круто! Михалыч!

– Куда ты к ней приедешь? В школу? Тебе самому туда надо бы...

– Да ладно вам! Это ж круто! Это вообще! – Роман радостно забарабанил в крышу машины кулаками. – Круто!

– Стучит вроде что-то, – озабоченно обратился Михалыч к водителю. – Может, колесо?

– Если вы этого придурка успокоите, то, может быть, и я услышу...

Тимофей ткнул локтем Романа, тот замолчал, и все прислушались.

– Откуда-то сзади барабанит, – заметил водитель.

– Елки-палки! – выдохнул Михалыч. – Ромка, слазь с сиденья.

Они вместе опрокинули спинку и увидели покрасневшее и мокрое лицо Гриши. Тот возмущенно мычал и грозил Роме кулаком.

– О! А мы про тебя и забыли! – восторженно продолжают трещать тот.

Гриша состроил выразительную гримасу, я, мол, так и понял.

– А как тебя застрелили! Как застрелили! Бам! Бам! Круто!

– Да заткнись ты!!! – рявкнул наконец Тимофей. Водитель хоть и вздрогнул от неожиданности, но посмотрел на него одобрительно. Затянувшаяся Ромина истерика достала уже всех. – Гриш, посмотри сюда. Я чего-то не разберусь...

Вместе они нагнулись над ноутбуком.

Защелкали клавиши.

Михалыч достал телефон, прилепил гарнитуру к уху.

– Сережа? На следующем повороте направо. Там машину заберете, а водителя с БМП отпустите. Все хорошо. Бойцы разбираются. Щелкают чего-то там. Все.

Потом набрал другой номер.

– Тимур, это Михалыч. Да. Нет. Все хорошо. Ну, как ты и просил. Да. Боекомплект не использовали. Стены не ломали. Все в порядке. Нет, не стреляли. Ну, честное слово, что, ты меня не знаешь. Ну да, так, по мелочи. Слегка краску подсодрали со скулы. Да закрасишь, я тебя знаю. Или скажешь что-нибудь... Обычно, как всегда. Если что... ты знаешь. Спасибо, в общем. Сильно помог. Удачи.

– Связи? – поинтересовался Рома.

– Много будешь знать... – проворчал Михалыч и обратился к Грише: – Что там у вас? Может, по горячим следам пойдём?

Гриша кивнул.

– Можем, – подтвердил Тимофей. – Это не Коля с батутотцами. Любители работали. У нас уже все есть. Три точки.

– БМП я не рано отпустил?

– Нет, что ты?! С броневиком – это из пушки по воробьям. Сами теперь, сами.

– Тогда меня домой забросьте.

– Не вопрос. – Тимофей хлопнул водителя по плечу и назвал адрес. – А вообще знаете, ребята, нам сильно повезло. Я, если честно, до сих пор не верю, что все обошлось. Удача это,

ребята, чистой воды удача. Я этого Колю знаю. Видать, парень усталый был... Не иначе. Просто повезло.

И он тяжело вздохнул.

Когда дверь квартиры номер шестнадцать со скрипом отворилась, на пороге появилось существо неопределенного пола и возраста. Именно это и удержало Тимофея от того, чтобы нанести удар сразу. Бить женщину, даже в таком запущенном состоянии, было как-то не с руки. Хорошо было бы сначала прояснить половую принадлежность...

– Кого надо? – поинтересовалось существо прокурренным хриплым голосом.

– Дюбеля. Он дома?

– Ну, дома, – хмуро пояснило существо, откидывая густую челку назад. – Я Дюбель.

– Хорошо, – улыбнулся Тимофей, чуть присел на одно колено и выстрелил кулаком существу в грудь.

Дюбель беззвучно влетел внутрь. Следом за ним вошли Тимофей, Гриша и Роман с Сергеем.

Гриша махнул рукой в глубь квартиры.

Роман все понял без слов, быстро обежал комнаты и никого не обнаружил.

– А хорошо живет, козявка, – прокомментировал он, закрывая дверь спальни. – Квартирка-то старая. Такие сейчас в Москве на вес золота. Видать, коренной. Не лимита какая-нибудь. Вот это хоромищцы!

– А ведет себя нехорошо... – Тимофей покачал головой. – Сажаем...

Вместе с Гришей они подняли вяло сопротивляющегося Дюбеля и усадили его в большое кресло с высокой спинкой. Руки примотали к резным подлокотникам липкой лентой. Рот заклеивать не стали. Никто не планировал задерживаться тут надолго.

– Давай, Дюбель, говори, – Тимофей похлопал парня по щекам. – Подъем!

– Иди в жопу... – прохрипел Дюбель. Тимофей уже наладился снова «пробить фанеру», но Гриша остановил его, положив руку на плечо.

– Ладно, – согласился Тимофей. – Будем бить чуть позже. Я сейчас тебе объясню, в чем дело. Ты и твои два засранца обокрали Батут. Чем сильно обидели его админов. Отрицать будешь?

– В жопу!

Тимофей покосился на Гришу, но тот снова покачал головой. Роман присел перед связанным и посмотрел тому в глаза.

– Ребята. Он же накуранный. Или... обколотый. И шуплый какой-то... Помните, мы его засекли, он сутками в сети болтается, как дерьмо в проруби? Стимуляторы, что ли, жрет...

– Плевать, – отмахнулся Тимофей и отстранил Романа. – Слышь, растение, мозги не просрал еще? Слушай меня. Так вот, админы Батута люди серьезные. Они понимают, что ты только исполнитель. И они хотели бы знать, какая скотина захотела залезть в чужой карман. Ты и сам понимаешь, что информация сейчас – это не просто циферки. Это деньги. А деньги, сопляк, – это время. А время – это еще большие деньги. Так что ты банкрот, времени у тебя нет совсем. И сейчас или ты скажешь, кто вас нанял, и распрощаешься с нами, или я буду тебя прессовать по полной программе. Потому что времени у нас мало.

– Слушай, – просипел «сопляк». – Я тебе еще не сказал одной важной вещи. Я пытался, но ты не слушал.

– Ну давай, давай.

– Так вот... – Дюбель набрал в грудь воздуха и заорал: – Пойди ты в жопу!!!

Прежде чем Гриша успел его остановить, Тимофей ударил Дюбеля по ушам. Тот завыл, сжался, задергался, пытаясь отодрать руки от подлокотников.

– В жо-о-опу! – выл Дюбель, раскачиваясь в кресле с закрытыми глазами. Вены на его шее от напряжения вздулись, весь он покраснел, скривился.

– Упорный клиент, – сказал Рома, доставая липкую ленту. – Пакуем? А то еще приедет кто... Вряд ли он один в этих хоромах живет.

– Не хочется, – поморщился Тимофей. – Я бы его тут отпрессовал... Да и как его выведешь из подъезда? Не ночь на дворе. Бабулька увидит, стукнет, нас через час уже накроют. Похищение, рэкет... В общем... Надо было вечером приезжать.

– Вечером он бы точно не один был, – сказал Сергей, нервно прохаживаясь по коридору. Ему было страшно. Одно дело смотреть про такие дела по видео, читать в книжках, а другое дело участвовать. Бить живого человека. Хоть и гада полного... – Кстати, а как вы выяснили, что он дома?

– У него машина в онлайн и активность... В общем, долго объяснять. Для профессионала, – в этот момент Рома поймал выразительный взгляд Гриши и слегка стушевался. – Не проблема, короче... Ламер! Что с него взять? Даже не шифруется.

– А остальные?

– Остальные поумнее, – ответил Тимофей. – Один отключился, второй все время локацию меняет.

Гриша тем временем залепил Дюбелю рот скотчем, чтобы не орал, и принялся отвешивать тому размашистые пощечины. Голова парня моталась из стороны в сторону, Сергей то и дело видел ошалелые, выкаченные глаза.

– Память ему не отбей...

В ответ Гриша только хмыкнул.

– Это проблема, кстати, – поделился соображениями Тимофей. – Оставить его тут мы не можем, он нас сразу заложит остальным, и такой халявы не получится.

– Так, может быть, его шлепнуть? – спросил Сергей, подойдя ближе к Дюбелю. Убивать никого он не собирался, ему показалось, что это удачный ход, напугать парня.

Однако тот пугаться и не подумал. Выставил средний палец и попытался пнуть Сергея ногой. По пальцам он, впрочем, тут же получил каблуком.

– Время теряем, – Тимофей решительно подошел к связанному. – Сейчас ты у меня похочешь...

– А компьютер у него включен? – поинтересовался Сергей, и Тимофей, уже начавший душить Дюбеля, замер.

– А это мысль...

Все четверо кинулись рыскать по комнатам в поисках включенного компьютера. Тот обнаружился в маленькой комнатухе около туалета, чуть ли не в шкафу.

– Как он тут умещается?

Программисты бодро забарабанили по клавишам обнаруженной машинки.

– Должны же быть следы. Деньги же он откуда-то получал!

– Смотрим, смотрим, смотрим...

– Ребята, – сказал Тимофей. – Я один не справлюсь. Подключайтесь и вы. Но учтите, если сорвется, то потеряем все напрочь. У него тут какая-то охранка стоит, можем не успеть.

В прихожей что-то загремело, но увлеченные своим делом программисты не обратили на это внимания. Сергей решил проверить, тем более что в стремительном мелькании окошек, строчек с цифрами и именами он ничего не понимал.

Когда он вышел в прихожую, его поджидал сюрприз.

Посреди обломков кресла стоял Дюбель, почему-то зубами сдирающий остатки липкой ленты с запястий. В левой руке Дюбель держал... обрез.

«Как сумел?» – в ужасе подумал Сергей, но потом его взгляд наткнулся на пустые ременные петли, прикрученные снизу к сиденью разломанного кресла, и все стало ясно.

– Я же сказал, в жопу! – рыкнул «сопляр», ухватываясь поудобней за обмотанную синей изолентой рукоять. Дюбель сморщился, видать, надавали ему «коллеги» от души, но на курок все же нажал.

Падая, Сергей успел увидеть какие-то пустые медицинские коробочки, то ли от шприцев, то ли от ампул. «Ну, точно наркоман!» – мелькнула мысль, а потом...

От грохота заложило уши. В коридоре повисло облако дыма. Косяк двери, где только что стоял Сергей, разлетелся мелкой щепой.

– Парни!!! Атас!!!

В коридор выскочил Тимофей с круглыми глазами.

– Ты одурел, что ли?! Что за грохот?!

– Сюрприз! – противным писклявым голосом проорал сзади Дюбель.

– Твою мать! – Тимофей нырнул в сторону, Сергей просто упал лицом вниз.

БУХ! Треск, град осколков. Что-то сыпется сверху. БУХ! Из стены вылетело белое облако гипса.

– Задержи его! – Тимофей поднял Сергея за грудки, тряхнул и толкнул в сторону Дюбеля, который с удивительной сноровкой и стремительностью перезаряжал обрез. – Нам немного осталось!

– Сдурели?!

Но Тимофея рядом уже не было. Он нырнул за поворот коридора и скрылся в каморке с компьютером.

Обычно в такой ситуации говорят, что время для главного героя остановилось. Но нет. Правильнее будет сказать, что сам Сергей неожиданно ускорился. Он успел заметить, что обрез хоть и не самое удобное в перезарядке оружие, но Дюбель справляется с этим явно быстрее, чем Сергей успевает до него добраться. Две бумажные охотничьи гильзы шлепнулись на пол, обрезанные стволы с тихим щелчком вернулись в боевое положение. Хорошо смазанный механизм, долгие тренировки и стимуляторы. Может быть, даже какая-нибудь армейская химия, которой сейчас много ходило по Москве.

Столяров рыбкой нырнул в ближайшую дверь, больно стукнувшись плечом. Перекатился через голову.

Дверь позади буквально взорвалась. Дюбель выстрелил только из одного ствола. «Сопляр», хоть и был полным психом, но полным идиотом не являлся. Выскочи сейчас Сергей на перехват, заряд дробы в брюхо был бы обеспечен.

Пользуясь секундной паузой, он завертел головой. Комната, в которую Сергей попал, была спальней. Огромная, как и все в этой сумасшедшей квартире, кровать, какие-то столбы, красные шторы. Масса явно лишних, с точки зрения дизайнера, статуэток, ваз, горшков.

– Дорогая! – Дюбель толкнул дверь ногой. – Я дома!

Сергей прыгнул на кровать, перекатился, упал на пол, ожидая выстрела.

Дюбель засмеялся и ласково позвал:

– Рыбка, рыбка!

Сергей слышал, как парень двигается по паркету.

– Хватит музыки, – послышалось с той стороны кровати. – Теперь только наверняка...

Столяров лихорадочно озирался, вжавшись в пол.

Ничего подходящего.

Стул далеко. Вазочки на полке над кроватью. Не достать. Сама кровать слишком огромная, тяжелая, на высоких, толстенных, витых ножках. Под кроватью только пыльный паркет.

Скользкий...

Раздумывать было некогда. В тот момент, когда Дюбель вспрыгнул на смятое покрывало, Сергей ухватился за края кровати и что было сил потянул на себя. По паркету, как по катку, он скользнул в пыльную темноту. Уперся ногами, толкнулся.

– Куда?! – завопили сверху. Оглушительно бухнуло. И там, где только что были ноги Сергея, матрас лопнул ватой, пружинами и поролоном. Дюбель дико взвыл, заверещал.

Еще ничего не понимающий Столяров вынырнул из-под кровати, грязный и напуганный до полусмерти.

Парень прыгал на матрасе, поджимая окровавленную ногу.

– Сука! – выл Дюбель. – Сука!

«Этот идиот прострелил себе стопу! – сообразил Сергей. – Но сколько было выстрелов? Два или один?» Он подхватил ближайшую к кровати вазу и швырнул ее в психа.

Болевого шока для парня явно не существовало. «Дурь», которую глотал этот удивительный уродец, работала на все сто. Дюбель оказался шустрее на долю секунды и отбил обрезом летящий в него снаряд. В момент удара ружье выстрелило. С полок посыпались черепки, и Сергей, не тратя драгоценного времени, кинулся на противника. Сбил с ног. Упал сверху, неумело молотя кулаками.

Однако Дюбель, несмотря на шуплое телосложение, оказался силен. Удар коленом едва не вышиб из Столярова дух. Затем паренек откинул голову назад, мотнулась невымытая челка, на какой-то миг Сергей увидел злые, налитые кровью глаза и суженные зрачки, а потом... все вокруг вспыхнуло разноцветным, скула мигом онемела, перед глазами поплыла муть. Удара под ребра он уже не почувствовал, только мешком свалился набок.

«Боднул меня, – эта мысль почему-то сильно удивила Сергея. – Как баран. Боднул».

Через долгие, очень долгие полминуты разноцветного беспамьятства он услышал щелчок.

«Пиздец», – сообразил Столяров.

Однако Дюбель почему-то медлил.

«Чего же он ждет?»

По щекам мягко похлопали. Кто-то поднес к разбитым губам прохладное. Струйка воды полилась на шею, за рубашку. Столяров открыл рот, подавился, закашлялся.

– Живой, – констатировал знакомый голос.

– Валишь надо, – сочувственно произнес Рома, когда Сергей все же открыл глаза. – Такой шухер подняли. Сваливаем...

Рядом в осколках большой, под «династию Мин», вазы валялся Дюбель. Его руки совершали странные плавательные движения.

10.

Как спустились по лестнице, Сергей не помнил. Только мелькали пролеты, и кто-то крепко держал его под руки. Из рассеченной губы сочилась кровь, глаз запыл.

В какой-то момент на площадку выскочила бабулька, которую вежливо, но твердо задвинули обратно.

– Стреляют, бабушка, псих какой-то. Наркоманы проклятые. Совсем страну довели! – скороговоркой обрисовал ситуацию Тимофей.

Старушка заохала, всплеснула руками.

– Ироды... – донеслось из-за спины.

Холодный воздух улицы запершил в горле, глаза болезненно сощурились.

– Машина, машина где?... Твою мать!

Коротко рыкнула мотором синяя «Тойота», взвизгнули покрышки, и вот уже все четверо ввалились на заднее сиденье.

– Гони, родной, гони, – задавленно крикнул Тимофей, оказавшийся в самом низу. – Сейчас от ментов уходить будем.

Водитель ничего не ответил, тронулся плавно, аккуратно вышел через арку на проезжую часть, точным движением вогнал машину в соседний ряд, между ржавым «жигуленком» и приземистой «лягушкой» неопределенной марки. Через несколько десятков метров совершил по всем правилам разворот, ушел на соседнюю улицу и вскоре затерялся в потоке автомобилей, исчез в каменных кишках огромного города.

Где-то далеко-далеко завывали сирены.

– Давайте как-нибудь рассортируемся, а? – полузадушенно предложил Тимофей. – Мне тут как-то не того.

Клубок тел распался. Кто-то осторожно перелез на переднее сиденье. Сергея усадили в середине на заднем. Роман достал аптечку и начал чем-то холодным обрабатывать рану. Попробовал было сунуться к Грише, которому в свалке двинули в челюсть, но тот отмахнулся, держась одной рукой за щеку.

– Круто, – прокомментировал Тимофей, оборачиваясь назад. – В общем, Серега, ты молодец. Спасибо.

– Помогло хоть?

– Помогло. По крайней мере, имя заказчика мы знаем. Странные это ребята, в общем. Никогда бы не подумал, что так можно работать. Грубо, очень грубо. Ни маскировки, ни черта. Куда мир катится! Скажи, Гриш, мы такими не были в их возрасте.

Гриша покачал головой. У него болела челюсть.

– Вломились в базу. Уперли. Наследили. Вообще странно, что их этот Коля, мордovorот, не попалил. Как считаете?

Гриша покосился на Рому, тот сделал вид, что полностью занят раной Сергея.

– Хотя да. – Тимофей тоже кинул взгляд на Романа. – Чайники чайниками, а на такую дешевку не попали. Надо отдать должное.

– Да психи они, ненормальные! – проворчал Рома.

– Это точно, – Тимофей кивнул. – Как я понял, Дюбель у них был чем-то вроде защиты. Безбашенный совсем.

– А кто меня обокрал? – спросил Сергей. – Этих нашли? Или мы сейчас малолетнюю банду прессовать начнем по очереди?

– Шут с тобой! – замахал руками Тимофей. – Малолетками пусть кто-нибудь другой занимается. Молодое поколение отморозенное пошло совсем. Мы с батутovцами – динозавры. Понятия. Стрелки. Базары.

– Между прочим, ты предлагал Дюбеля в лес вывезти, – напомнил Роман.

– Я не с той целью предлагал. Мне надо было его изолировать, психа, пока я его дружков буду на чистую воду выводить. Не все же они такие, как кремень!

– А знаете, чего я думаю, – вдруг оживился Рома. – Этот Дюбель у них вроде ловушки был. Потому и в онлайне все время. На него выйдут, мол, да на нем и сломаются.

– Черт его знает... Слишком сложно, по-моему. Ты ноут его захватил хоть?

– Естественно! – Рома даже обиделся.

– Хорошо.

– Блин. Кто меня обокрал?! – Сергей повысил голос. Сразу же к горлу подкатил комок.

В голове зазвенело.

– Такое имя, как Борис Карасик, тебе чего-нибудь говорит?

– Говорит.

– Живет в Зеленограде. Банковские реквизиты... Почтовые адреса... Можно банк ломать.

Гриша энергично замотал головой.

– Чего? Не надо банк?

Гриша кивнул.

– Ну, тогда извини, – Тимофей обратился к Сергею. – Банк мы не можем сейчас. У нас что-то полоса пошла не того цвета.

Гриша снова кивнул и указал на челюсть.

– Вот, как ему зубы повышибали, так пошло-поехало.

Гриша молча пожал Тимофею руку. Понимаешь, мол.

– А мне банк и не надо. Устанешь бегать потом.

– Точно. Контора солидная...

– Так что только беседа с глазу на глаз.

– Ага. – Рома наконец залепил ссадину на лице Сергея пластырем. – Тебе сейчас только так. С глазу на глаз. Потому как глаз у тебя еще долго будет один.

– Да и есть одна сложность, – добавил Тимофей. – У нас работа имеется. И на ней было бы неплохо появляться. Хотя бы иногда. Так что мы тебе Ромку дадим. Для разговора и поддержки. Ну, а если что не так пойдет, ты нас сдерни.

Он посмотрел на Гришу.

– Какой-нибудь отпуск нам положен?

Тот неопределенно пожал плечами.

11.

За городом было холодно. Несмотря на то что факт глобального потепления был окончательно доказан несколько лет назад, природа все же иногда брала свое. Иногда, на несколько дней, зима все же становилась зимой, а не подмороженной версией осени. Особенно сильно ее холодное дыхание чувствовалось вдалеке от городских лабиринтов, энергоцентралей, машин, дорог. От всего этого теплого, вечно тающего, посыпанного разномастными реагентами поля, на котором росли год от года людские муравейники.

Снег опускался на голые ветви берез, превращая их в толстые белые лапы, клонящиеся к земле, словно деревья опускали беспокойные руки, наслаждаясь моментами тишины и зимнего покоя. В оглушающей тишине с шуршанием падали снежинки.

Человек стоял на засыпанной белой крупой поляне. Белый пар его дыхания поднимался из-за поднятого ворота пальто. Глаза закрыты. Густая черная шапка волос, облепленная снегом. Морщины.

Человеку было плохо. Тошно на душе. К тому же его мучила неистребимая изжога.

Неподалеку стояла женщина, она осторожно, чтобы снег не слишком скрипел, притоптывала на месте, стараясь согреться. Модельная обувь, пусть даже зимняя, не слишком подходила для подобных поездок. Однако женщина знала, что в такие моменты мужчину лучше не беспокоить.

Все равно не ответит и раньше определенного срока не уйдет.

Мужчину звали Борис Карасик. Занимался он дизайном. И около месяца назад воспользовался ворованными чертежами, чтобы заработать денег. Деньги были потрачены на новую машину, модельную обувь для женщины и красивый блестящий пистолет. Последнее приобретение было скорее случайностью. Точно определить, на кой черт ему оружие, Борис не мог. Просто, как всякий гражданин Российской Федерации, он имел на него право.

Нельзя было сказать, что Борис мучился угрызениями совести. Нет.

Украденный проект был не первым и, видимо, далеко не последним. Об авторах этих разработок Карасик старался не думать. «На то и щука в озере, чтобы карась не дремал», – любил повторять он в такие моменты. Нехитрый каламбур «карась-Карасик» его даже веселил.

То, что заставляло Бориса страдать, было выше простой совести. Это были муки уязвленного самолюбия. Столь же самокритичный, насколько и честолюбивый, Карасик ясно сознавал собственную творческую импотенцию.

Он прекрасно работал в команде, когда-то даже возглавлял группу разработчиков промышленного дизайна. Чувствовал меру, стиль, всегда понимал поставленную задачу и умело балансировал на грани между стилем и пошлостью. Все, что касалось разработок чьих-то идей, администрирования, управления, – получалось у Бориса великолепно. Но... Но Карасику хотелось большего. Ему хотелось творить, создавать, извлекать из небытия, из хаоса ноосферы нечто оригинальное, настоящее, новое. То, с чем уже другие, в сущности, такие же, как он сам сейчас, будут работать, восхищаться, обрабатывать грани тех алмазов, что предоставит им он, Борис.

Копирайтер, чьи разработки никому не нужны.

Более того. Копирайтер, бездарность работ которого понимает он сам.

Человеку менее честолюбивому на это было бы наплевать. Есть возможность рубить фишку, есть возможность зарабатывать, есть возможность делать свое дело, пусть не так блестяще, но на кусок хлеба с маслом хватает. Чего еще нужно?

Нет.

Стремление к высокому основательно портило Борису жизнь.

Его не понимал никто. Ни друзья, ни клиенты, ни женщины.

По крайней мере, сам Борис так думал, играя и сознавая свою игру в непризнанного гения.

– Может, пойдём? – тихонько подала голос окончательно замерзшая женщина. – А?

Борис обернулся и долго смотрел на нее ничего не выражающими глазами.

– Холодно... – неуверенно пожаловалась женщина.

– Замерзла? – с не менее холодным сочувствием в голосе поинтересовался Борис.

– Да.

– Тогда пошли. Пошли тогда.

Каким-то особенным, исключительным тоном он сумел, сказав всего четыре слова, привить ей чувство вины.

Молча они вернулись по своим следам к автомобилю. Новенький «Сузуки Витара-Дуо» приветливо мигнул габаритами.

Борис сел за руль, ввел идентификационную карточку в приборную панель. Двигатель коротко рыкнул, завелся, выбросив облако синеватого дыма.

– Ну что, поехали? – непонятно к кому обращаясь, спросил Карасик.

– Поехали... – тихо прошептала женщина. Когда за окнами понеслись дорожные столбы, она окончательно утвердилась в решении оставить Бориса. Без всякого уважительного повода. Просто бросить. И все.

Что она и сделала этим же вечером.

Собрала какие-то вещи, избегая касаться того, что он когда-то дарил ей. Не из желания казаться скромной и честной, не будучи ни той ни другой, просто от сложного, подсознательного омерзения. Зашвырнула какие-то тряпки, белье, зубную щетку, безделушки, пару любимых дисков, документы, все в кучу, в одну спортивную сумку. Неловко пожала плечами. Буркнула что-то, не то «Прости», не то «Прощай». Кинула ключи от квартиры на столик и хлопнула дверью.

Все это время Борис сидел на незастеленной кровати и смотрел на нее понимающе, от чего на душе у женщины становилось еще более мерзко. Хотелось скандала, ссоры, криков, битья небьющейся посуды. Но повода не было. Поэтому она ограничилась лишь хлопком дверью.

– Дрянь, – произнес в пустоту квартиры Борис. – Дрянь и дура.

Он встал, подошел к зеркалу.

– А чего ты хотел? – спросило отражение. – Любви до гроба? Они жили счастливо и умерли в один день?

– Нет, – ответил Борис. – Я на это не рассчитывал.

– Ну, так чего разнылся?

– Я?

– Ну да. Ты. Тут есть кто-то еще? Нет. Это все ты. Разговариваешь сам с собой и занимаешься самобичеванием.

– Как последний идиот.

– Точно. – Ну и в жопу тогда.

Борис отвернулся от зеркала, дошел до кухни, вытащил из-за стола сложенный картонный ящик. Развернул его. Аккуратно проклеил швы липкой лентой. И пошел по комнатам, собирая все следы пребывания женщины в коробку. Все свои подарки, забытые вещи, духи, платье. Все, что когда-то дарил.

Вскоре коробка стала тяжелой, он поставил ее в центре, на кровать, и начал методично обшаривать квартиру на предмет поиска ее вещей. Набравшуюся кучу тряпок умял, придавил сверху, чтобы не вылезала, какой-то вазочкой или статуэткой. Не разбирая, кидал туда книги, журналы, диски. Когда коробка была заполнена доверху, принес еще одну и с каким-то жестоким восторгом продолжал собирать и собирать вещи.

Второй ящик был заполнен до половины, когда Борис наконец остановился, тяжело дыша от поднявшейся пыли, открыл окно, всей грудью вдохнул влажный, холодный воздух.

– Вот так.

Борис заклеил коробки и с трудом подтащил к окну. Чтобы выпихнуть их наружу, пришлось открывать вторую створку.

Внизу было темно. Фонарь устал освещать летящий снег и черный, вечно мокрый асфальт и погас.

– Эй! Бомжары! – заорал Борис, чувствуя, как холодный воздух заставляет кожу на груди собрататься пупырышками. – Бродяги, мать вашу! Секонд-хэнд! Халява!

Где-то в темноте зашевелились. Или только показалось?

– Налетай, подшевели! – крикнул напоследок Борис и что было сил толкнул коробку от себя.

Потом поднял вторую, уже более легкую. Зло швырнул ее в темноту.

Уже дрожа и стуча зубами, захлопнул окно.

Добрался до бара. Налил себе «Джека Дэниэлса». Хотел было разбавить его тоником, но плюнул и хлопнул виски залпом.

Пока он сосредоточенно надирался, под окнами к выброшенным вещам сползли окрестные бродяги.

Сейчас уже немногие жители Зеленограда помнили те времена, когда на улицах этого, тогда еще закрытого, города невозможно было встретить бомжей, бродяг и вообще личностей с неопределенным социальным статусом. Москва разрасталась, включая в свою границу многие и многие городки, города, поселки. Лишая их самостоятельного статуса. То же случилось и с «советской силиконовой долиной» – Зеленоградом. Сначала город перестал быть закрытым, потом начал приобретать сомнительные черты окраины современного мегаполиса. Линии улиц, усилиями столичных архитекторов, утратили строгость. Расплылись границы кварталов, микрорайонов, дворов. И вскоре город был захвачен армией бомжей, плодящейся день ото дня.

В Зеленоград пришли трущобы.

Удивительно, но при этом наукоемкие предприятия и научно-исследовательские институты никуда не делись. Оставаясь могучими оазисами порядка в столичном хаосе.

Можно было сказать, что, обзаведясь всеми сомнительными признаками задворков мегаполиса, Зеленоград сумел выдержать традиционную для него обособленность. От всего.

Картонные коробки были вскрыты. Вещи лихорадочно вытаскивались, передавались по рукам, каждый старался ухватить то, что казалось необходимым ему. А поскольку вещей, годных в экстремальном бродяжьем быту, было немного, то до драки не доходило. Большинство предметов осело в мешках тех, кто подрабатывал, продавая на рынках разномастное барахло.

Бомжи старались не мусорить. Потому что ссориться с гильдией дворников боялись. Жизнь научила их выживать и находить компромиссы.

– Ну-ка, мужики, посторонись, – сказал кто-то из темноты.

Городская рвань дрогнула, но не отступила.

На голос обернулось несколько наиболее крепких бомжей.

– А тебе чего тут? Не звали.

– Да уж, всяко. – Мужчина, вполне прилично одетый, подошел ближе.

– Шел бы ты... – ответили из толпы, пока беззлобно. – Своей дорогой. Чего, барахла не видел?

– Да не возьму я ваши тряпки, – ответил мужчина. – Надо больно. Давайте так. Я посмотрю, а вам пузырь.

– Покажь.

Мужчина вытащил из-за пазухи бутылку.

– Початая... – протянул кто-то.

– А ты целый ящик хотел увидеть? – раздраженно ответил мужчина. – Ну, согласны?! Мне об вас просто мараться неохота. Но я могу и потерпеть.

– Да ладно. – Перед мужиком образовался коридор. – Смотри...

Незнакомец подошел к коробкам. Пошевелил какие-то шмотки. Вытащил незамеченную коробочку с духами, понюхал.

– Однако.

Бегло осмотрел содержимое другой коробки.

Ткнул в толпу флакон духов.

– Тоже можете выдуть. Со спиртом.

– Вот еще, – хрипло огрызнулась какая-то старуха. – Я на себя вылью! Может, мужичка подцеплю приличного!

И она засмеялась лающим, грубым хохотом. Соседи отодвинулись, видимо, опасаясь связываться.

– Все, ребята, – сказал мужчина, отходя от коробок. – Сосите ваш пузырь. Как договаривались.

Он ткнул початую бутылку какому-то мужичку и ушел в темноту. За спиртное тут же разгорелась небольшая потасовка, бесшумная, словно крысы сцепились за кусок сала, и такая же злая. Потом пузырь достался самому сильному и авторитетному.

– Ша! Всем хватит!

Мужчина тем временем вернулся в подъезд дома напротив, из которого и вышел.

– Дай погреться, Михалыч, – обратился к нему Роман.

– Нету, – Михалыч развел руками.

– Опа! А где?

– Там, – Михалыч махнул в сторону копошащихся в снегу темных теней.

– Ох елки! – Рома прильнул к стеклу узкого подъездного окна. – Ты что же?! Бомжам коньяк отдал?! Е-мое...

Затем Рома сделал неправильные выводы.

– Или отобрали? – Он дернулся, было, вниз, на улицу, но рука Михалыча его остановила.

– Сам отдал. К вещам пускать не хотели.

– Так ты б дал им раза...

– На хрен надо, блох потом выводить. Они ж больные все. Да и... знаешь... мы тут коньячком греемся, а они в шмотках да мусоре роются. Какое-то чувство социальной справедливости разыграло. Отдал я, на фиг. Пусть дернут. Мы, поди, не подохнем?

Михалыч, словно бы за поддержкой, посмотрел на Сергея.

– Не сдохнем, Михалыч. Не сдохнем, – подтвердил тот.

Роман промолчал.

– Чего там в коробках было? – поинтересовался Сергей.

– Барахло. Женские шмотки. Духи там. Пеньюары. Пара дисков, книги. Статуэтка какая-то. Одно слово – барахло.

– Н-да...

– Надо было мне идти, – пробормотал Рома. – Я бы им бутылку не отдал. Тем более шмотки бабские...

– Тебе, – Михалыч усмехнулся. – Они бы тебя сожрали там, с костями. Не слышал, год назад люди в Бутово пропадали?

– Да ладно...

– Натурально пропадали. Так потом выяснилось, что их бомжи жрали. Ага.

– Ладно заливать!

– Жрали, ответственный товарищ мне сказал, ну. Из органов. – Михалыч сделал большие страшные глаза и постучал себя в грудь. – Страшное дело было, кошмар. Целая секта была, Крысами назывались.

– Ну, а скандал был бы какой?! – Роман неуверенно отмахнулся. – Газеты, все такое...

– Какие газеты? Ты чего? Совсем маленький? Ты представь, что могло начаться? Гражданские беспорядки. Крысоловы всякие поковылазили бы. Паника. Так что органы все верно сделали. По-тихому разогнали всех, кого пристукнули на месте, кого в тюрьму определили. А большинство разбежалось. Да. Так-то. А ты говоришь, тебе надо было идти. Коньяку пожалел. С бомжами шутки плохи, парень.

Судя по серьезному лицу, Роман наполовину купился на эту развесистую клюкву.

– Грузите вы мне какой-то левый софт, – неуверенно заявил он и снова прильнул к окну. – Коньяк, опять же...

– Так что, – не обращая внимания на ворчание, обратился Сергей к Михалычу, – у нашего друга житейские катаклизмы?

– Ну, в любое другое время никто выбрасывать женские вещи из окон не станет. А та блондинка в шубке, что в такси прыгнула так шустро, по ходу дела, бывшая хозяйка этих вещей. Так что, скорее всего, наш друг сейчас один-одинешенек. Визит нанесем?

Сергей откашлялся.

– Знаешь. Что-то я не готов к визитам. Только-только морда заживать стала. На чужую квартиру соваться... После этого... Дюбеля. Нет никакого желания, покамест. Может, лучше завтра и как планировали?

– Риска больше, свидетелей возможных тоже. Но интуиция в нашем деле – штука полезная. Ее слушать надо. Завтра так завтра.

Через некоторое время они вышли из подъезда и направились в расположенную неподалеку гостиницу «Даун-хаус». Которую Роман классифицировал, как нечто среднее между благоустроенной ночлежкой и общагой. Документов там не спрашивали, к постояльцам не присматривались, что было очень удобно.

12.

Лифты Борис не любил. Со времени изобретения первого лифта, казалось, прошло достаточно времени, чтобы человечество успело адаптироваться к этому явлению, но... Видимо, идея движущейся в вертикальной плоскости платформы претила мозгу примата. Хотя, может быть, и это более вероятно, Борис страдал легкой формой клаустрофобии. О чем и сам не догадывался.

Однако спускаться вниз по лестнице сегодня почему-то не хотелось еще больше.

Что-то изменилось в его сознании за прошедшую ночь.

То ли виски оказалось слишком крепким, то ли привычное самоедство довело психику до той грани, за которой всякие мелкие отклонения от нормы становятся критическими. В любом случае, сейчас полумрак погашенных ламп казался Борису подозрительным. Он подошел к перилам, ограждающим провал лестницы. Посмотрел вниз. Где-то далеко, семью этажами ниже, виднелась едва освещенная площадка. Черно-белая клетка истертой плитки. Первый этаж был ярко освещен. Однако другие этажи тонули в зимнем сумраке. Борису вдруг показалось, что кто-то несколькими этажами ниже высунулся в пролет, вот так же, как он, только лицо было обращено вверх. Черные пустые глазницы, оскал приоткрытого рта.

Борис испуганно отшатнулся. Сделал несколько шагов назад. Сердце бешено колотилось.

Вдруг, очень сильно, захотелось вернуться в квартиру. Выключить звонок, телефон, запелиться, закутаться в одеяло и ждать. Чего?... Борис не знал.

Он сделал еще несколько шагов в сторону двери. Потом еще. И наконец кинулся назад. Выронил ключи, всхлипнул, дрожащими руками сумел поднять и даже вставить металлическую пластинку в щель замка. И только влетая на полном ходу в квартиру, позволил себе обернуться.

Там, на полутемной площадке, стоял человек. Черная тень.

Борис вскрикнул, захлопнул дверь и щелкнул замком.

Он стоял, тяжело дыша и прижавшись лбом к косяку. Что-то влажное, щекоча, потекло по подбородку. Борис провел рукой по лицу и увидел, что она мокрая.

«Слюна. Я слюну пустил», – подумал он.

От этой мысли сделалось смешно. Борис визгливо хихикнул, но, закрыв рот ладонями, сумел задавить в себе поднимающуюся истерику.

– Чего испугался-то? – собственный голос прозвучал чуждо. – Ну, человек... Сосед, наверное, сверху. Или там... Монтер. И внизу тоже. Почудилось. Почудилось, и все.

Борис отошел от двери. Посмотрел в зеркало.

– Нечего сказать, хорош. – Из зеркала на него смотрел бледный, с темными кругами под глазами человек. Совершенно незнакомый. Бориса даже передернуло от того, что он не может найти в отражении ни одной знакомой черты. Ни единой.

Словно стремясь подтвердить, уверить самого себя в том, что он контролирует ситуацию, Карасик провел рукой по волосам. Отражение повиновалось. Оно так же послушно повторило все действия Бориса. Подпрыгнуло. Развело руки в стороны. Присело. Поклонилось. И даже улыбнулось.

От этой вымученной улыбки стало только хуже. Более всего улыбка напоминала оскал смертельно испуганного животного.

– Что-то ты, братец, сегодня не в образе. – Борис погрозил зеркалу рукой. – Мятый какой-то. Нельзя так...

И он снова улыбнулся, покровительственно так, мол, смотри у меня... Но получилось плохо. Борис вдруг понял, что отражение ни при чем. Это он. Только он сам не в образе, мятый, испуганный... Внезапно накатило понимание, что когда он гримасничал, прыгал и приседал

перед зеркалом, то искал не подтверждения подчиненности отражения. Нет. Совсем наоборот. Откажись тот, зеркальный человек, исполнять его волю, Борису было бы легче. Он – не я, вот чего искал Борис.

И не нашел.

– Что же это?... – Борис закрыл глаза ладонями, а когда снова открыл их, то в ужасе отпрыгнул от зеркала. Там, в глубине прихожей, что-то было не так. Подсознание, обостренное параноидальным психозом, отметило неправильность раньше, чем сознание обработало полученную информацию.

Стоя за стеной кухни, Борис, с бешено колотящимся сердцем, осознал причину своего страха.

Ручка входной двери была повернута вниз. Кто-то... Кто-то С ТОЙ СТОРОНЫ пытался открыть дверь.

– Бред, бред, бред. Почудилось. Почудилось. Почудилось. – Борис твердил эти слова, как молитву, заклинание, заговор. Что угодно, лишь бы не рушилась картина мира, не разваливалась у него на глазах. – Почудилось.

Он высунулся в коридор. И сжал зубы, чтобы не заорать в полный голос. Только визг, тонкий и едва слышный, вырвался через плотно сжатые зубы.

Ручка двери медленно возвращалась в исходное положение.

Не показалось.

– Господи. – Борис медленно сполз на пол кухни. – Что им от меня надо? Господи? Что им от меня надо?...

Некоторое время его просто трясло. Колотило нервной дрожью.

Удивительно, но эта истерика ему помогла. Вероятно, сработали какие-то потаенные предохранители, встроенные в сознание человека природой, и Борис начал мыслить более здраво.

– Ну, хорошо, пусть так. Пусть там человек. – Он снова посмотрел на входную дверь. – Человек? Человек. Человек. Чудовища не имеют смысла. Хуже человека ничего и не придумать. Так что пусть будет человек. Да. Ключей у него нет. Нет. Иначе бы он вошел. Он не вошел. Значит, нет ключей. Хорошо. Чего ему от меня надо? Чего? Кто бы это мог быть?

Борис перебрал в памяти всех знакомых, с кем когда-либо ссорился.

– Не знаю. Может быть, она?! – Борис вскочил, дернулся к двери, но остановился и снова вернулся на кухню. – У нее есть ключи. Или нет? Нет. Оставила. Вчера оставила. Я не выбросил? Нет. На столике. Лежат. Значит, кто-то другой. Сосед? Может быть. Не знаю. Ладно. Что он мне может сделать? Может... побить. А я?

И тут он вспомнил то, что резко придало ему уверенности.

Пистолет! Большой, блестящий пистолет!

Там. В комнате.

Борис метнулся в комнату, расшвырял какие-то коробки, пакеты, бумаги. И нашел!

Он схватил оружие, прижал его к груди, плача от счастья.

Отпустило.

Тяжелый, заряженный смертью кусок металла внушал спокойствие. Словно кто-то невидимый, верный, сильный говорил: «Не бойся, хозяин. Я с тобой».

Борис погладил пистолет. Каждый рычажок. Каждый винтик. Вытер слезы.

Непослушные пальцы отщелкнули обойму.

Тупые, золотистые головки глянули на него через прорезь магазина. Ровно двенадцать верных друзей. Неплохая компания, что и говорить...

– Вот так-то, братцы. – Борис вставил обойму в пистолет, но досылать патрон в ствол не стал. – Надо дома посидеть.

13.

– Ну и? – непонятно у кого спросил Роман, рассматривая запертую дверь.

Сергей решил, что вопрос ориентирован ему, и пожал плечами.

– На психа смахивает. Может, его Михалыч напугал?

– Да ладно, – Михалыч махнул рукой. Он стоял у лестничного пролета и смотрел вниз. – Я только спустился, а он как дернет... Может, у него с психикой не все в порядке?

– Без понятия, как сейчас, но раньше все было нормально. По крайней мере, мы тогда ничего не замечали. Экстраординарного.

– А где вы с ним пересеклись?

– Работали вместе. – Сергей подошел к Михалычу. – Проектировали городок для одной корпорации.

– Городок?

– Да так, одно название, что городок: пара десятков коттеджей, в соответствии с корпоративной идеей... В общем, бред. Работа плевая, но времени жрет массу.

– Вдвоем?

– Нет. Там целая группа работала. Как раз этот Карасик и осуществлял координацию проекта. Администратор он неплохой.

– А чего это он на ворованное потянулся?

– Козел потому что, – зло ответил Сергей и обернулся к Роману: – Ты звонить пробовал?

– Пробовал, – ответил Роман. – У него отключено все. Я еще ручку подержал.

– И как?

Если бы можно было в этот момент сместить точку зрения парой метров к северу или сделать дверь квартиры Бориса прозрачной, они бы увидели, как объект их преследований стоит в прихожей и целится в дверь из блестящего пистолета.

Роман опустил ладонь на дверную ручку. Надавил.

Палец Бориса напрягся на спусковом крючке. Повел его на себя. Молоточек ударника сдвинулся со своего места.

– Оставь, – сказал Михалыч. – Оставь его, может, понос у человека. С чего бы еще так в квартиру бежать?

– Ну. – Роман в нерешительности посмотрел на дверь. За ней в сосредоточенном ожидании замер Борис. С пистолетом. – Ладно.

Рома подошел к Сергею с Михалычем.

– Делать чего будем?

Сергей пожал плечами.

– Козел он... Но отступать уже поздно. Он меня кинул. Знал он, что это я, или не знал. В нашем случае значения не имеет. Мечь тем и страшна, что, начав ее, остановиться можно, только окончательно отомстив. Иначе ты будешь растоптан теми силами, которые вызвал к жизни.

– Мистика... – усмехнулся Роман.

– Психология, – возразил Сергей. – Только психология. И все. Отступи мы сейчас, что получится?

– Ну... Ничего не получится.

– Ничего – это положительно. Это означает, что мы ничего не потеряем. Но это не так, – его слова гулко разносились по пустоте утреннего подъезда. Дом медленно оживал. Иногда включался лифт. Где-то хлопали двери, но редко, люди еще спали, нежась в теплой защищенности постелей. – На самом деле мы теряем. Как минимум – время. Затраченное время и усилия. Мы искали, рисковали, тратили время. А время – это не только деньги, но и силы. Силы,

которые могли бы быть потрачены на что-то более созидательное, чем беготня от маньяка с обрезом по огромной квартире, чем гонки на БТРе и рискованные, на грани фола, разборки с бандитами.

– С администраторами, – поправил Роман. – И на БМП.

– Какая разница? – Сергей попробовал отмахнуться, но Роман перебил его с серьезным видом:

– С бандитами такие варианты не прокатили бы. А БТР – это такая штука с гусеницами...

– Ладно, черт с ним, пусть будет так. С админами разборки. Один черт потрачено время, силы и деньги. И если нет результата – то все это потрачено впустую. Это уже плохо.

– Да и хер бы с ним...

– Точно. Да не совсем. Поскольку мы потратили впустую силы, мы проиграли. А если мы проиграли, то мы кто? Лузеры. Неудачники. Жалкие, никчемные существа, которых может прокатить кто угодно, как угодно и когда угодно.

– Да и ладно бы... Никто ж не узнает.

– Вот уж нет. Во-первых, лузера даже ты определишь с первого взгляда. По походке, по фигуре, по глазам, наконец. И это ты, а что говорить про людей, у которых на неудачников развито профессиональное чутье? Бандиты, кидалы и прочие «граждане». Лузер не потому неудачник, что его все кидают. Нет. Его кидают, потому что он лузер. И выпасть на эту планку не приведи господи. Один раз опустившись, подняться почти невозможно. Нужны сверхусилия. Именно поэтому надо трижды подумать, прежде чем приводить в действие механизм мести. Сможешь ли ты справиться с тем, что обвалится на тебя? Стоят ли результаты таких жертв? Имеет ли ценность то, ради чего ты решил рисковать? И что будет, если ты простишь обидчика?

– А во-вторых? – поинтересовался Михалыч.

– Что?

– Ну, ты сказал, во-первых. Меня интересует, что же после такого обстоятельного первого пункта будет вторым?

– Ну, – Сергей помялся. – Знаешь, я об этом даже как-то не подумал. Во-вторых... Во-вторых, ребята, у меня нет денег. Если я из этого мудака свою долю не выбью, то мне придется туго. Обижен я сильно, вот что. Я до конца идти должен. Вы, если хотите, можете соскочить. А я пойду до конца.

– Ну, а занять, что ли, нельзя? – спросил Роман.

– Можно, – Сергей кивнул. Где-то наверху хлопнула дверь. Быстрые девичьи каблучки простучали по лестнице. Загудел лифт. – Все можно. И занять, чтобы на плаву продержаться, и новый проект подхалтурить, чтобы сроки ужать. Но если честно, мне было важно сделать именно то, что мы делаем.

– Отомстить?

– Да. Потому что теперь, если я доведу это до конца, то буду знать, кто я.

– Достоевщина...

– Почему бы и нет? Кто сказал, что Достоевский был дураком? Он тонко, по-настоящему понимал и чувствовал человеческую природу и натуру. Так-то. Если я сейчас смогу, то смогу и в другой раз. И если кто-то Другой сможет один раз, то и другой раз не спасует. И тогда каждая тварь будет знать, что есть люди, обижать которых смертельно опасно. Для себя, для своих друзей, для своей семьи.

– А обратной вендетты не боишься?

– Я ему, он мне, и так до бесконечности?

– Да.

– Не боюсь. Мсть – это благородное дело. Даже если ее ведет дикарь. В мести, как и в дуэли, есть свои законы.

- Интересно, а тот, который попрет на тебя в ответ, про эти законы знает?
 - Конечно. Иначе он не стал бы мстить, – уверенно ответил Сергей. – Но, кстати, идея интересная. Надо бы заняться культпросветом.
 - В смысле?
 - Ресурсик надо бы сварганить... В Сети. Поможешь?
 - Почему я? – удивился Роман.
 - Ну, как?... Ты же у нас тут единственный специалист по компьютерам... Кто же еще?
 - Ну... – Рома важно насупился. – Это дело надо обдумать. И все такое.
 - Обдумай.
- Они замолчали.
- Михалыч по-детски плюнул вниз, с любопытством проводил плевков взглядом.
- Однако проблема все еще остается. Клиент заперся в квартире и носа наружу не кажет. Может, позвонить?
 - Может. А, кстати, сколько он собирается дома торчать?
 - Ну, пока продукты не кончатся, – Рома пожал плечами. – Жрать-то надо...
 - Гениально, – прошептал Михалыч. – Осажденная крепость. Классика жанра. Теперь все зависит от того, насколько у него забит холодильник.

14.

Когда нервы несколько поуспокоились, Борис обрел способность более-менее здраво рассуждать.

– Дано, – начал он. – Острый приступ паранойи. Причины: шестое чувство, какие-то люди на площадке, ручка двери поворачивалась несколько раз, так что случайность исключена. Что нужно этим людям, я не знаю. Кто они такие, не знаю. Звонить в милицию? Что я им скажу? На моей лестничной площадке трутся незнакомые люди? Пошлют к черту. А если не пошлют, но приедут, а там никого... свезут в дурку. Зато живой...

Он некоторое время серьезно обдумывал возможность уехать «на лечение», однако не было никакой гарантии, что неизвестные люди не заявятся в дурдом. Да и не мог Борис припомнить, чтобы кому-то от этого «лечения» полегчало.

– Нет. Лучше в дурку не ложиться. В милицию надо звонить, когда все уже будет ясно. Кстати... – Борис посмотрел на пистолет. Осторожно взял его в руки, поставил на предохранитель, вынул обойму, передернул затвор. На ковер вывалился неиспользованный патрон. Карасик аккуратно поднял его и защелкнул обратно в обойму. – Кстати, о милиции. Не будем, без необходимости, превышать пределов допустимой самообороны. А то ведь страшно сказать...

Он подошел к большому зеркалу в коридоре. Привычка говорить с отражением создавала иллюзию, будто он разговаривает не сам с собой. Собеседник из зеркала был не ахти, но все же...

– Страшно сказать, – погрозил Борис отражению пальцем. – Чуть через дверь палить не начал. А вдруг там дети хулиганят? Или кто ошибся... Да даже если и не ошибся, поди потом доказывай. Так что стрелять не будем. Просто так... Только по делу. Может, и не придется.

Успокоив себя таким образом, он направился на кухню.

Там, разбив в сковородку два яйца, с неудовольствием понял, что дома нет колбасы. Да и вообще на предмет «пожрать» было как-то не очень. Борис вспомнил, что поднялся в такую рань исключительно из-за самодурского желания оливок. С утра и с перепоею вдруг захотелось. Да так, что желудок скрутило. Заодно решил пополнить запасы еды, подошедшие к концу.

– Так, ну и что же мы будем делать теперь? Что же будем делать? – В воздухе ощутимо запахло жареным. – Горит еще что-то... Твою мать!!

Яичница больше всего напоминала пресловутый «завтрак шахтера». Угольная корочка снизу, сморщенные желтки сверху. Выбирать, однако, не приходилось.

Приблизительно через час сосредоточенных метаний из угла в угол Борис нашел, как ему показалось, удачный выход из ситуации.

Интернет. Заказ на дом.

Дороговато, но выбирать в данном случае не приходилось.

Все, что нужно, принесет посыльный. Оплата по кредитке. Контакттировать с посыльным, кстати, необязательно. Положит все на столик, и конец делу.

Это там, на лестнице, он уязвим, а дома... Дома и стены помогают.

Борис кинулся к компьютеру. Проекционный экран высветил на белой стене линию доставки ближайшего супермаркета.

– Мне нужно, мне нужно... Вот это... – Борис бормотал под нос, ставя галочки напротив интересующих его товаров. – И вот это... И пусть еще будет это. Сразу два.

Где-то, восемь этажами ниже, в подвале, сидели около ноутбука три человека. Синий свет монитора делал лица плоскими.

– Чего он делает? – поинтересовался Михалыч. – И можно как-то побыстрее?

– Поспешишь – людей насмешишь. И потом, не от меня зависит, – ответил Рома. – Мы всего лишь его сигнал перехватываем. Как он решит, с такой скоростью все и будет.

– За сигнализацию опасаюсь.

– Ты ж вроде отключил...

– Ну. – Михалыч с сомнением посмотрел на вырванные с корнем провода. – Я, конечно, эту модель знаю, но все же... Нагрянут менты, я, например, не знаю, что ответить в этой ситуации. Сидят трое с ноутом в подвале. Ловят чей-то сигнал...

– Палево, – с удовольствием произнес Рома.

– А действительно, что он там делает? – нервно спросил Сергей.

– Жратву заказывает!

– Пять баллов, – Сергей кивнул. – А зачем?

– Зачем-зачем?! Ну ты даешь, Достоевский! Жрать нечего! Сам не хочет выходить на улицу. Посыльный... Понял?

– Понял. – Сергей кивнул. – Кстати, жрать действительно хочется.

Курьер с продуктами появился буквально через полчаса. Это был молодой, курносый парнишка в фирменной красной куртке с лейблом супермаркета на левом нагрудном кармане. В руках он тащил два тяжелых пакета.

– Помочь? – поинтересовался Роман, встречая его на лестничной площадке.

– Нет, – парень испуганно покосился на подошедших сзади Сергея и Михалыча. – Я сам...

– Не дрейфь, не обидим. Ты просто постой тут, в сторонке.

– Я...

Сзади парню руку на плечо положил Михалыч.

– Сказано постой. Значит, постой. Тебя никто не обидит, если ты сам себя не обидишь.

Какие инструкции были от покупателя?

– Никаких...

– И хорошо. – Роман аккуратно взял пакеты. – Курточку одолжи...

Посыльный испуганно повиновался.

– Не мой размер, – пожаловался Рома, просовывая руки в рукава. – Не мой... Ты бы спортом занялся, что ли...

Он постучал в дверь.

– Кто? – глухо поинтересовались из квартиры.

– Посыльный. Заказ принес.

Щелкнул замок. Изнутри послышался топот.

Роман осторожно нажал на ручку, дверь бесшумно отворилась.

– Поставьте сумки и уходите! – прокричал Борис из глубины квартиры. Он высовывался откуда-то из кухни, стараясь разглядеть вошедшего. В невидимой из коридора руке плясал пистолет.

– Надо расписаться... – Роман пожал плечами, ставя сумки в угол. – Тут, в бумагах.

Подпись.

– Оставь бумаги на столике, я подпишу, потом войдешь и заберешь.

– Да елки... – вздохнул в коридоре Сергей.

Он толкнул начавшую закрываться дверь и вошел в коридор.

– Боря! Это я... Ты меня знаешь...

– Кто?! – Борис прицелился в темноту коридора. – Кто?!? Я никого не звал! Что вам надо?! Убирайтесь! Я буду стрелять! Это вторжение! Кто?!?

– Меня зовут Сергей Столяров. – Сергей осторожно нашел выключатель и зажег свет. – Мы с тобой работали. Помнишь?

– Нет! Я... Я ничего не помню! Убирайтесь!

– Я уйду. Но нам надо поговорить. Просто по-хорошему поговорить.

– К черту! Я никого не звал!

– Так вот... Давай сделаем так... Я оставлю номер телефона тут на столике. А ты позвонишь по нему и назначишь место, хорошо? Где ты мог бы со мной поговорить. Какое хочешь, такое и назначь. Поверь, Боря, нам очень надо пообщаться. Очень.

Сергей осторожно, стараясь не делать лишних движений, положил на столик бумажку с номером. Мобильный с номером был специально для этой цели куплен за какие-то несерьезные деньги в ближайшем магазине.

– А теперь мы уходим. Уходим, Боря... Вот еще бумаги тут, подписать надо посыльному. Ты подпиши... А то неудобно получается.

Борис молчал.

Первым вышел Роман, за ним, осторожно прикрывая дверь, выскользнул Сергей.

– Ну вот, – сказал Рома, стягивая с себя куртку. – А ты боялся!

Паренек взял одежду и вопросительно посмотрел на Сергея.

– Чего? – удивился тот.

– Бумаги.

– Сказал же я... Подпишет и отдаст.

В этот момент дверь на мгновение открылась.

Михалыч оттолкнул Сергея с предполагаемой линии огня и притянул к себе парня из доставки, скрываясь за поворотом коридора.

Дверь хлопнула.

– Вот и бумаги, – прошептал Рома, осторожно выглядывая из-за канализационной трубы, за которую ухитрился проскользнуть, подобно осьминогу.

15.

– Вот какая бодяга вышла, – сказал Сергей. – Чтобы тебя найти, я перетряс половину Москвы. Громко звучит, но ты не поверишь, на что мне пришлось пойти, чтобы только раздобыть твой домашний адрес. А ведь всего лишь пару недель назад я мог бы спокойно взять свой гонорар, заскочить в пару мест на предмет будущих проектов и еще полгода спокойно работать, не думая о деньгах. И посмотри на меня сейчас. Злой, небритый, грязный, замерзший. И без денег. А самое обидное знаешь, что? Я совершенно не знаю, что тебе сказать. С одной стороны, у меня опыта таких разговоров нет, и надо бы найти какого-нибудь разводилу. Хотя бы по объявлению. На тебя и такого хватит... Но, с другой стороны, это мое дело. И плохо-хорошо, а решать его мне.

– Чего надо? – выдавил из себя Борис. Его руки, которые он старательно прятал под столом, тряслись.

Сергей щелкнул языком.

– В этом-то и проблема. В два слова не скажешь. Требуется раскрыть тему. Представь, скажу я тебе просто, денег надо. И что? Ты сразу мне доступ к своему счету сделаешь? Нет. Упрешься рогом в землю и стоять будешь до последнего. Пока мои ребята тебя на ремни не начнут резать. И при этом буду не прав я, а не ты. Смешно ведь, разве нет? Ты не прав, а сволочью выгляжу именно я.

– С чего это я не прав?

– С того. Ведь это ты месяц назад делал работу для «Лихарев и К°»?

– Ну... Делал.

– А проект ты, гадина, откуда взял? – Сергей наклонился вперед, пристально глядя Борису в глаза. – Проект? Помнишь, откуда проект взял? У кого ты его взял, знаешь? Сколько я над ним корпел, ты знаешь? А ты всего-то связался с уродами, качнул – и готово! При бабках.

Хлопнули двери. В зал вошел мужчина в черном костюме. Сергей кинул в его сторону быстрый взгляд и снова вернулся к собеседнику, тщетно пытаясь заглянуть ему в глаза.

Вошедший нервно осмотрелся и двинулся к зарезервированному столику. Как из-под земли появился похожий на пингвина официант. Мужчина что-то сказал ему, тот коротко поклонился, снял со столика табличку, отодвинул стул.

– Желаете что-нибудь выпить до заказа? – донеслось до слуха Сергея.

– Да, минеральную... Пожалуйста.

Сергей прокашлялся.

Утром на оставленный вчера номер ему позвонил Борис и назначил встречу в небольшом ресторане, в центре города. Ресторанчик назывался «Богемия» и располагался на восьмом этаже здоровенной, недавно выстроенной высотки, где верхние этажи отводились под квартиры и офисные помещения, а внизу все было отдано под торговлю. Огромный, в несколько уровней супермаркет в окружении более мелких контор, туристических, аптек, кафешек и различных кондитерских.

Восьмой этаж полностью отводился под ресторан, попасть в него можно было по нескольким эскалаторам, проходящим через весь огромный торговый ад.

Карасик выбрал людное место, однако, по странному стечению обстоятельств, в ресторане не было ни души. Несколько столиков было зарезервировано. Скучали официанты.

Разгар рабочего дня. До обеда еще далеко, а для делового завтрака уже поздно.

– Чего молчишь? – обратился он к Борису.

– А что говорить?

– Ну, наверное, что-нибудь надо. Вроде того, что ты не виноват. Что ты не воровал. Что ты в своем праве. Что щука в озере только для того, чтобы карась не дремал. Что ты ничего не

знаешь и ничего не ведаешь. Какую-нибудь глупость скажи. А то мне как-то неудобно. Вроде бы я с пустым местом разговариваю или с подростком каким-нибудь, который яблоки у меня в саду уворовал и теперь мучается угрызениями совести. На подростка ты не похож. Отвечать придется по-взрослому.

– А чего ты хочешь?

– Ну, вероятно, понимания. Для начала. – Сергей пожал плечами. – Понимания того, что ты сделал плохо. И за это ты отвечаешь.

– Отвечаю, – прошептал Борис.

– А если отвечаешь, то давай думать, как ты можешь компенсировать нанесенный мне ущерб. И моральный и материальный.

– Денег нет, – снова прошептал Борис.

– Хорошо, – Сергей удивленно поднял брови. – Многообещающее начало. И куда же ты дел такую кучу бабла?

В зал вошел еще один человек. Поманил проходившего мимо официанта пальцем, о чем-то пошептался с ним. Официант показал на столик, за которым сидел мужчина в черном костюме с минералкой.

Вошедший поблагодарил и направился к тому же столику.

– Машину купил. В лизинг. Бабе ботинки. И еще... В общем... – По какой-то причине говорить про ствол Борис не стал. – Нет денег. В общем.

– А живешь ты, интересно, на что? – сделал удивленное лицо Сергей.

– Живу... Ну... У меня есть небольшой счет, с которого я снимаю проценты. На которые я... – Борис выставил перед собой руки. – Нет, погоди, но если я тебе сейчас это отдам, на что я жить стану? Это не гонорар, это стабильный доход, небольшой, в общем-то. Только-только хватает.

– Вот-вот. То, что мне и нужно. Небольшой, стабильный доход. И машина.

– Так, – Борис нервно ухмыльнулся. – Это несерьезно.

– Да ты что? – голос Сергея стал походить на шипение змеи. – Несерьезно?! Ты меня обокрал, подонок. Ты меня в говно головой макнул. Ты меня кинул. И думаешь, что я говорю несерьезно?!

– А я?! – Борис повысил голос.

– А «я» – это последняя буква в алфавите! – отрезал Сергей. – Меня не волнует, что ты будешь делать. Потому что, когда ты воровал у меня мою собственность, ты не думал, даже ни минутки не подумал о том, как же там будет выживать тот, кого ты ограбил. На что он будет жить, как он будет есть, как он себя, наконец, будет чувствовать после этого! Сука ты! Гнида! Брюхо свое...

Сергей с трудом подавил желание схватить Бориса за горло. В висках тяжело бухало. На скулах играли желваки.

– В общем так. Прямо сейчас, вот здесь и сейчас, ты переводишь на меня свои финансы. И сейчас же, отсюда, мы с тобой идем и переписываем твою машину на нового владельца.

– А я? – пискнул Борис.

– А ты живешь дальше. Согласись, что это не так уж и мало. Работать пойдешь, наконец! Потянешь какой-нибудь проект. У тебя это получалось неплохо когда-то. Воровать, конечно, проще, но, как видишь, может выйти боком.

– Меня. – Борис опустил руку в карман. Ребристая рукоять пистолета придавала наглости. – Меня это не устраивает!

Сергей откинулся на спинку стула.

Такого оборота событий он не ожидал.

Беседа зашла в тупик. Сейчас надо было либо идти на попятную, торговаться и пере-сматривать условия «сделки», либо... Либо вежливо прощаться и убивать Бориса. Как это сде-

лать, Сергей пока не представлял. В подъезде? На улице? Дома? Следить, стрелять... Нанимать убийц...

Ситуация, казалось бы, уже склонившаяся в его сторону, резко вышла из-под контроля.

«Вот тебе еще одна глава на тему мести, – подумал Сергей. – Называться она будет как-нибудь типа: «Крайние меры». Интересно. Что произошло? Он же у меня в руках был. Или не был? Или играл? Что произошло? Что? Будто он силы нашел... Откуда?»

– А что тебя устраивает, интересно знать? Может быть, извинения? Извини, Сережа, я тебя кинул на бабки. Ну, так получилось. Ничего личного, это такой бизнес? Старик, так не пойдет. Ты это понимаешь?

– Я... Я не собираюсь извиняться.

– Даже так?

– Нет, ты не понял. Я не про извинения. Я... Просто я считаю, что можно найти другой какой-то выход из ситуации. Может быть...

– Ну-ну? – Сергей кивнул. – Давай. Что, может быть?

Борис молчал. Нахлынувшая было уверенность растворилась бесследно. Он неожиданно понял, что ничего не может предложить в качестве компенсации.

– Ну, я бы мог... По частям... – выдавил он из себя, с надеждой глядя на Столярова.

– Что? – Сергей сделал вид, что не расслышал. – Как?

Борис опустил глаза. Пистолетная рукоять вдруг стала горячеей.

«Всего-то дел, один выстрел... – Эта мысль была неожиданной, острой и страшной. – Один выстрел – и нет проблемы. Нет человека, нет проблемы».

Он исподлобья посмотрел на Сергея.

И тишина, повисшая в ресторане, вдруг стала особенной. Такой тишиной в старину фиорды встречали вражеский драккар.

– Меня не устраивает...

16.

Веничка Риттер и сам не заметил, как вышло то, чего он, собственно, и не хотел.

Все оказалось просто.

Даже слишком.

Нужная папка обнаружилась в архиве буквально сразу. На какой-то момент Вениамину показалось, что она даже была выдвинута из общего ряда таким образом, чтобы взгляд сам зацепился за нее. Вот она, бери! Неслышный посыл, сообщение. Чей?

«Дело № 56/17. Результирующий отчет по системе «обратного» крекинга. Схемы. База».

Толстенкая, из зеленого пластика, папка, заполненная дисками и несколькими листиками с индексом дисков. Вот и все. Собственно. Что за отчет? Что за дело номер пятьдесят шесть дробь семнадцать? Кого это вообще волнует?

На какой-то момент рука Вениамина задрожала, коснувшись поверхности папки. Снова накатил страх. Но Риттер переборол себя, вытащил из номерного окошка бумажку с цифрами, заменил ее на заранее заготовленную другую и положил папку на тележку. В компанию других таких же, но из другого отдела.

– Куда везешь? – поинтересовалась Катенька, молоденькая девушка, сидящая на выписке в архиве. Перед ней лежали разложенные папки с дисками, по плоскому монитору пробежали строчки.

– Копирование по каталогу. – Риттер пожал плечами. – Как всегда.

– После этого копирования такой бардак все время, – пожаловалась Катя. – На место никто папки не ставит.

– Я поставлю, – улыбнулся Вениамин и положил перед Катенькой шоколадку. – Список сверять будешь? А то тут за три недели накопилось.

– Срочно?

– Как всегда.

– Давай. – Катя глянула в предложенную бумажку и вздохнула. – Номер тридцать два-сорок...

Веничка стукнул по корешку ногтем.

– Здесь!

– Так... – Катенька игриво стрельнула на Риттера глазками. – Теперь... Номер тридцать три-пять.

– Тоже...

– Хорошо...

Через некоторое время Риттер расписался в ведомости о получении и покатил тележку в копировальную.

Ирония заключалась в том, что Вениамин, кроме смены номера на интересующей его папке, не сделал ничего противозаконного. Проверять содержимое, в теории, должна девушка на выписке, но всему Архиву известно, что на выписке работы всегда завал, а копирование должно проходить быстро. Кто ж виноват, что технический отдел не смог справиться с какой-то там проблемой в парке машин, и образовалась очередь в три недели? Кто-то, конечно, виноват. Этот кто-то недополучит премию. Но дело уже сделано...

Вениамин и сам не знал, случайно это получилось или какие-то люди Карела постарались. Но все складывалось на редкость удачно. Скопировать ценную информацию вместе со второстепенной – это все равно что спрятать алмаз в куче стекла.

Наверное, это был самый трудный этап работы.

Сделать копию. Не подставляться самому, но так, чтобы все было проделано силами самой организации.

Вынести же... это дело техники. Техники, которую предоставил Карел.

Вениамин потрогал легкий, невесомый пакетик, лежащий у него в кармане. Чтобы быть уверенным в том, что на проходной не случится непредвиденной ситуации, он вчера протестировал подарок Карела. Внес и вынес пару дисков с какими-то безобидными картинками. Детектор на выходе даже не пискнул.

– Привет, ребята, – крикнул Вениамин мрачным техникам. – Работа привалила!

– Чего б ты радостного сообщил, – пробурчал старший техник, заправляя в аппарат, больше всего напоминающий комбайн, секцию с пустыми дисками.

– Да ладно! – Риттер с деланным равнодушием подтолкнул тележку в очередь. – Работа есть, и хорошо.

– Хорошо, – пробурчал техник. – Только вот много ее чего-то.

– Ну, что поделать, – Веничка развел руками. Подхватил с низенького столика яблоко.

Провел пальцем по следу от кружки. – Кофе пьете?!

– Кричи еще громче...

– Да, да... Нехорошо. Нехорошо. Нарушаем, значит, режим!

– Ладно орать-то. Вон там кружку возьми, да наливай. Шантажист.

– Вот, другое дело.

Вениамин положил яблоко на место, взял из шкафчика чистую кружку. Развел руками.

– Ну, и где?

– Вон... – Техник ткнули пальцем в соседний шкафчик с дверцей, завешенной плакатом с рабочим, прижимающим палец к губам. Ниже, по краю, шла плохо различимая надпись.

– Не пи... – начал было вслух читать Риттер, но вовремя остановился. – Ну, ребята, вы даете. Шеф же увидит...

– Он и повесил.

– Весело у вас. – Веничка открыл шкафчик и обнаружил там кофейный автомат, плеснул полкружки горячего напитка. – Как вы запах маскируете, я понять не могу?...

– Вытяжку видишь? – гордо ответил кто-то из молодых. – Личная разработка...

– Что? – Вениамин пригляделся. – Ага...

Сзади к шкафам подходил гибкий рукав вентиляции.

– А есть вообще какая-нибудь часть режима, которую вы не нарушаете, а?

Старший техник тяжело вздохнул, отвесил подзатыльник молодому, взял кружку и тоже налил себе кофе.

– Ты сам-то чего хочешь, троглодит? – спросил старший у Вениамина.

– Ничего, – весело ответил Веничка. – Работать хочу. Жить вот тоже... Хорошо тут у вас. Спокойно. Кофе. Плакаты. Посижу еще, если вы не против, может, чего интересного обнаружу.

– Ага. – Старший придвинул тележку, привезенную Риттером, поближе к молодому. – Ну, Женя, пусти-ка его поднос в первую очередь. А то этот блюститель порядка отсюда до завтрашнего вечера не уйдет.

Веничка довольно засмеялся.

17.

– Вениамин Сергеевич, здравствуйте, – голос в телефонной трубке буквально лучился дружелюбием, словно Карел искренне радовался тому, что наконец дозвонился до Риттера. Впрочем, может быть, он действительно радовался, тем более что повод имелся. – Как поживаете?

– Вполне, спасибо, – сдержанно ответил Веничка. Это «вполне» далось ему с трудом, потому что именно это слово и было кодовым. – Голова иногда болит.

– А помните, я вам таблеточки советовал? Помогли?

– Помогли. Да.

«Господи, – подумал Риттер. – Какие-то детские шпионские игры. Их самих это не напрягает?»

Кого он точно имел в виду, сказать было трудно. Может быть, гипотетических шпионов, разведчиков. Дело в том, что почти каждое слово было запротоколировано въедливым Карелом. Все эти «таблеточки», «помогли», «вполне» и «голова болит» имели второе, скрытое значение. Этот момент Вениamina сильно нервировал. Ему все время казалось, что он сейчас ляпнет что-нибудь не то и собеседник поймет его не так, все разрушится, развалится и произойдет катастрофа.

«Почему нельзя было ограничиться чем-то стандартным? Типа «товар», «сделка», «необходимо встретиться»? – Вениамин раздраженно стукнул пальцами по столу. – Нет же, надо все с ног на голову поставить. Небось, и с начальством своим так же беседует. Через шифровальщика».

Время, прошедшее с первой встречи, сильно помогло Веничке. Он больше не воспринимал происходящее с ним как некую трагедию. Более того, иногда ему даже казалось, что все случившееся к лучшему. Карел несколько раз делал Риттеру небольшие, но приятные подарки. Обновил компьютер, подкинул кое-какую бытовую технику. Причем все это он делал легко, и Вениамин не чувствовал, что его покупают. Скорее уж наоборот, Риттеру казалось, будто это он оказывает Карелу услугу, принимая его подношения.

– Очень хорошо. – Вениамин почувствовал, что Карел улыбается. – Я надеюсь, вы совсем поправились?

– Совершенно, – выдохнул Веничка.

– Ну что ж, тогда я очень рад. Буду вас ждать, заходите как-нибудь на днях. Часикам к четырем.

– Конечно, конечно... – Веничка рассеянно улыбнулся, глядя на черный квадратный кейсик, куда были уложены диски. – Конечно...

– Всего хорошего... – Трубка выдала гудок и замолкла.

«В четыре часа, значит. То есть в четверг, – Вениамин посмотрел на календарь. – Завтра».

На четверг было назначено место встречи в ресторане «Богемия». В половине одиннадцатого. Если бы Карел назвал другую цифру, то встреча произошла бы в другой день и совсем в другом месте. Как-то незаметно, за довольно короткий срок, Карел сумел так плотно втянуть Вениamina в свою шпионскую игру, что все кодовые послания хоть и вызывали недовольство, но воспринимались легко, без напряжения.

«Завтра так завтра...» – Риттер взял черный кейсик. Пошел на кухню, включил чайник, разложил на столе диски с ворованной информацией.

И долго сидел перед ними, словно бы впад в протрацию.

Вениамин не мучился угрызениями совести. Он не старался понять собственный поступок. Ему даже не было страшно.

В последнее время его почти ничего не интересовало: женщины, выпивка, даже роман с той несовершеннолетней дурой, из-за которой все завертелось... Сейчас внутри Вениамина жили как бы два Риттера. Один – веселый, немного развязный кобель, наглый и самоуверенный. Второй – мертвый, выгоревший, пустой человек, словно бы живущий где-то в другом мире. Оставаясь один на один с собой, Вениамин все чаще превращался в того, второго. Просто сидел, сложив руки на коленях, и смотрел в никуда.

Когда же приходил момент, в нем словно что-то переключалось, и он мгновенно, без перехода, становился прежним, первым, веселым, наглым...

Даже Карел при всем своем колоссальном опыте психологической обработки не замечал этой двойственности, всегда сталкиваясь именно с первой личностью.

Чайник успел уже остыть, когда Вениамин наконец поднялся, аккуратно разложил диски по конвертикам, застегнул «молнию» кейса. Выходя из кухни, он обернулся, словно бы ища что-то, но потом выключил свет, дошел до спальни, не раздеваясь, упал на кровать и заснул.

Сразу и без сновидений.

И проснулся так же. Будто где-то внутри включили рубильник.

Щелк!

Вениамин поднялся, с некоторым удивлением осмотрел смятую одежду, кровать. Пристально посмотрел на часы. Мысль о том, что нужно идти на работу, даже не пришла ему в голову.

Кое-как позавтракав, едва ли не одним чаем, Риттер взял кейсик и вышел из дома, морщась от бившего в лицо ветра. Буквально через несколько шагов он вернулся и переоделся в черный строгий костюм, явно не по погоде накинув сверху плащ.

До центра он добрался пешком, замерзнув до посинения.

Некоторое время он мотался по супермаркету, заглядывая то в один, то в другой магазинчик, ничего не покупая и не отвечая на вопросы продавцов. Редкие в это время покупатели обходили его стороной. Только в аптеке он почему-то задержался, купил совершенно ненужный аспирин. Старушка аптекарша напомнила ему давно умершую мать.

– Который час? – спросил Веничка у нее.

– Двадцать минут. – Старушка посмотрела на часы, но когда подняла глаза, грустного посетителя уже не было. – Одиннадцатого...

Вениамин поднялся по эскалатору. На самом последнем переходе он с трудом протиснулся через толпу странно одетых молодых людей.

– Пропустите, пожалуйста, – тихо произнес Веничка.

– Пустите его, – глухо сказал тот, что был у них, видимо, за старшего.

Широкоплечие расступились. Риттер прошел на последний эскалатор.

В ресторане было пусто. Только за столиком у окна в напряженных позах сидели двое. Один нервничал, пряча руки под столом, второй, наклонившись вперед, что-то втолковывал своему собеседнику, пытаясь заглянуть тому в глаза.

Подскочил официант.

– У нас заказано, столик на двоих. Меня зовут Риттер, – сказал Вениамин.

– Да, конечно, – официант улыбнулся и провел Веничку к столику с табличкой «Зарезервировано». – Желаете что-нибудь выпить до заказа?

– Да. Минеральную, пожалуйста, – ответил Вениамин, чувствуя, что внутри холодно. Ноги замерзли, и его била легкая дрожь.

Некоторое время Веничка тупо смотрел в меню, и так углубился в него, что даже не заметил, что уже не один.

– И что будем заказывать? – осведомился Карел, перекидывая салфетку через локоть и пародируя официанта.

Веничка улыбнулся и неопределенно покивал.

Карел занял свое место, быстрым движением открыл книжечку меню.

– А я вот голоден! – бодро заявил он. – И весьма! Знаете, с утра апельсиновый сок пробуждает зверский аппетит! Что тут у нас? Хотите замечательный бифштекс по-венски? Вы были когда-нибудь в Вене? Так вот, бифштексы там делать совершенно не умеют. Однако само блюдо, бифштекс по-венски, исключительно замечательное, вероятно, потому, что не имеет к Вене никакого отношения. Забавно, правда?

Риттер снова кивнул.

– Что-то вы сегодня не в образе, – озабоченно заметил Карел. – Случилось что-нибудь? И в его глазах промелькнул опасный огонек.

– Все вполне прилично, – кодовой фразой ответил Вениамин. – Вполне.

– Ну и замечательно, – изрек Карел и посерьезнел: – Все при вас?

– Да. – Риттер выложил на стол диски. Из кармана выпал аспирин.

– Голова болит? – живо поинтересовался Карел, подхватывая пачку на лету. – Вероятно, после ночных возлияний? В компании каких-нибудь юных созданий? Нимф, можно сказать. Кстати, о нимфах, вы можете быть совершенно спокойны относительно... ну вы понимаете. Эти досадные фотоматериалы уже... уже безвозвратно испорчены. Безвозвратно.

Он переложил пачку дисков поближе к себе.

– Конечно, я должен буду проверить то, что вы принесли. Но тем не менее вы можете не волноваться. Знаете, Вениамин Сергеевич, нас с вами ждет интересная жизнь! Долгое сотрудничество!

– Жизнь? – переспросил Вениамин.

– Да! – Карел поднял было руку, чтобы позвать официанта, но остановился. – Что вы там увидели?...

Позади Карела по эскалатору поднимались те самые плечистые молодые люди, через группу которых с трудом протиснулся Веничка.

– Вы их знаете? – спросил Карел.

– Нет. Просто они стояли внизу.

Карел усмехнулся.

– Прекратите! – произнес он с укором. – Успокойтесь немедленно! Все в порядке! Все отлично! А главное, Вениамин, все будет хорошо!

– Как скажете...

18.

Дела шли из рук вон плохо. Работы – полон рот. Заказы на разработку, требования на расширение ресурса, запросы, заявки, уведомления... Все это сыпалось на «Батут» как из рога изобилия. Требовало внимания, активного участия, детального рассмотрения. В ящике у директора лежало сразу несколько инвестиционных планов, а в ящике у главного администратора – множество приглашений на совещание, где будут рассматриваться эти планы.

Коля Фоменко всегда был самодуром, талантливым самодуром, очень талантливым, но сейчас и над ним сгустились черные тучи директорского недовольства.

Колина команда, ребята, готовые пойти за ним в огонь и воду, отлично понимали, что ходят по краю. Совет директоров шутить не станет, а безработных админов на рынке труда – пруд пруди. И все непризнанные гении, едва ли не поголовно.

Колю спасало только то, что он действительно был талантливым администратором и знал архитектуру всего «Батута». Поэтому до поры до времени его выходки терпели. Однако всему есть предел...

Вот уже неделю Коля забил на свои рабочие обязанности, оставив в конторе только ассистентов и практикантов, которые от обрушившегося на них объема работ уже сидели на галаперидоле. Но все, что интересовало Колю, – таинственный господин Сергеев-Серегин-Чума. Откуда он взялся, куда делся и что за БТР изуродовал один из Колиных «Хаммеров»? Эти вопросы буквально не давали Николаю спать.

Он гонял своих ребят от и до. Прочесывал Сеть. Интересовался у «серьезных» людей. И нигде, нигде не мог найти даже упоминания о каком-то «Чуме-Сергееве», который склонен приезжать на разборки в БТРе.

Бронетранспортер, кстати, обнаружился. На военной базе. Однако любая попытка «поговорить» пресекалась часовым, который недвусмысленно передергивал затвор и предлагал отправиться на все четыре стороны.

Из всего этого получалось, что Колю Фоменко крупно надули, протянули, как ламера на театральной постановке.

А такие номера были Николаю не по нутру. Сильно не по нутру. Он мог простить все. Лишь бы из него не делали дурака.

Бойкая юность, выпавшая на период стремительной информатизации общества, когда компьютеры начали внедряться везде и всюду, а за такую эфемерную штуку, как массив информации, стало возможно реально убить, приучила его к тому, что на дураков обычно свешивают все, что только можно. И если ты не желаешь быть крайним на раздаче разных неприятных подарков, никогда не позволяй себе быть дураком или хотя бы казаться таковым. Именно поэтому сейчас Коля забил на работу. Доходное место потеплее он всегда найдет, а вот утраченное имя восстановить будет потруднее.

Команда понимала, что админ при случае возьмет их с собой.

А значит, совет директоров – подождет.

Следы человека, разыгравшего спектакль с БТРом, совершенно случайно обнаружались в Зеленограде. Молодой оператор из команды «Батута», которому надолго запомнилась роль Сергея в разборках, заметил знакомое лицо в гостинице «Даун Хаус», где сам снимал номер на пару часов, шифруясь с любовницей от жены. Пикантность ситуации была в том, что любовница являлась женой заместителя Коли Фоменко, который уже давно мучился подозрениями. В силу чего сам то и дело подбивал клинья к женам и подругам других коллег. Вполне нормальная сексуальная неразбериха, которая часто встречается в узких коллективах.

Как бы то ни было, Коля в экстренном порядке собрал свою команду и поехал восстанавливать репутацию крутого парня.

– Они сыграли отморозка, – цедил он сквозь зубы, трясаясь на заднем сиденье отремонтированного «Хаммера». – Тогда я им покажу настоящего отморозка. Настоящего. Все готовы?

– Готовы, готовы, – нестройно отозвались бойцы. Бойцам было не по себе, потому что играть отморозков – это одно, хоть и рискованно, а вот быть отморозками – это другое. Подобный поворот событий мало кого устраивал, но... Но это были честные ребята, готовые пойти за своим лидером туда, куда ему будет угодно их привести.

В большой коробке, в багажнике, лежало значительное количество огнестрельного оружия, подлежащего уничтожению после акции. Часть левых стволов была к тому же «паленая». Бойцы этого не знали. В курсе был только Коля. Но он, естественно, не планировал попадаться в руки доблестной милиции. Фоменко ставил на быстроту. Войти, устроить погром-побоище и уйти. Быстро. Для обеспечения зеленого коридора до границы Москвы на серверах управления дорожными сигналами уже сидели проверенные люди.

Коля не был идиотом. Просто в данном случае играл на грани фола. Правда, иначе он не умел.

Батутовцы, числом семеро, включая Колю, выгрузились около центрального комплекса зеленоградских высоток. К Николаю подскочил молодой человек, который должен был следить за объектом.

– В общем, этот Чума там, в ресторане. Треплется с каким-то чайником.

– А остальные?

– Остальные не знаю где. Не наверху – точно.

– А остальные где? – тихо переспросил Коля.

– Ну, не знаю я... Потерял их. – Парень развел руками. – Ну, Коля, блин, ну не знаю.

– Так какого хера я сюда прикатился?! – заорал Николай на проштрафившегося коллегу. – Какого хера?! Я что, всей толпой буду этого придурка...

Он с трудом удержался от слова «мочить». Орать о своих намерениях на всю улицу явно не следовало.

– Мне все нужны, понимаешь? Все! Разом! Иначе это не акция, а клоунада! – Коля понизил голос до злого шипения: – Ты думаешь, я клоун? Или что, итальянская мафия?! Что мне людям сказать?!

– Коль, ну не знаю я...

– Ты позвонить мог, сука? Ты ж сказал, что они все в одном месте и что там можно работать? Где я тут работать буду? В центре города? В супермаркете? Ты кретин? Ты позвонить мог, сказать, где они?!

– У меня мобильный... Коль... Ну на морозе... Батарейка же...

– Дай сюда...

– Что?

– Что-что!!! Мобильный дай!!!

Парень сунул Коле в протянутую руку квадратик клавиатуры и тонкую паутинку гарнитуры. Коля смял электронику в ладони, швырнул на асфальт и растоптал.

– Если еще раз тебя увижу, убью, – прошептал Фоменко. – Заявление об увольнении сам напишешь. И чтобы духу твоего... Понял?

– Понял... – Паренек отошел в сторону, не зная еще истинность житейской мудрости: «Все, что случается, – к лучшему».

– В общем так, парни, поднимаемся вверх. А дальше посмотрим.

Они вошли в супермаркет, поднялись по эскалаторам и остановились на последнем этапе. Следующая лестница вела непосредственно в ресторан.

«Разведка» не принесла ничего нового. Объект сидит за столиком у окна, беседует с каким-то лохом. В ресторане пусто.

«Надо либо эвакуироваться, либо действовать... – лихорадочно думал Коля. – Эвакуироваться. Действовать. Эвакуироваться. Действовать».

Пока он раздумывал, через сгрудившихся бойцов протолкался какой-то щуплый субъект. Ребята, уже достаточно взвинченные, едва не выкинули его к такой-то матери, и Коле пришлось вмешаться и отвести своих людей в сторону. Ресторан начал заполняться, следовало решать быстро.

Очень трудно сказать, что же толкает людей на необдуманные и глупые поступки. Почему в той или иной ситуации человек поступает так, а не по-другому? Что тому виной? Жизненный опыт? Знания? Рефлексы? Где та черта характера, которая подталкивает человека к принятию ошибочного решения? Воля к смерти? Какая-нибудь игра подсознания?

Трудно сказать.

Может быть, не будь такого давления со стороны, Коля все бы решил иначе. В конце концов, месть – это не то дело, которое надо вершить впопыхах. А тут еще совет директоров... Конец года, отчеты, задачи, планы, день в конце концов... Суета. И нет в голове того холодного, злого покоя, который так нужен. Мир цепко держал Николая в своих руках, разбивая внимание, лишая сил, требуя, требуя, требуя...

Мститель не принадлежит миру.

И Коля принял неправильное решение, желая побыстрее покончить с этим делом.

– Входим, берем его и уезжаем. И все быстро.

19.

А в это время с другой стороны к зданию, очень злой и замерзший, сильно хромя, приближался еще один человек. В полах его длинного плаща, на ременных петлях, висел обрез.

У человека в черном плаще страшно болела голова. И простреленная нога. А еще он был простужен, воспаленные слезящиеся глаза, высокая температура, сухой, рвущий гортань кашель. Вперед его гнала только злость. И наркотики.

20.

А в это время одетые в камуфляж типа «Город» люди с короткими «сто пятыми» «Калашниковыми» стремительно поднимались вверх по эскалаторам.

Этажом выше к экстренному броску вниз готовились спецназовцы.

Девятый этаж здания был полностью заблокирован, однако нижние этажи супермаркета заблокировать без лишнего шума было физически невозможно. И остановить операцию уже никто не мог.

Планировалось – без жертв.

21.

А в это время в эфире царила паника. И люди, ведущие наблюдение, уже ничего не могли сделать.

- Кто эти идиоты? Кто их туда пустил?
- Информации нет. Без блокады... (помехи)... нижних этажей невозможно предотвратить... (помехи)... людей в рабочее помещение... (помехи)... Подтвердите... (помехи)
- Блокировать вход в ресторан. Блокировать!
- Вас понял. Блокировать вход (помехи).
- Передача состоялась! Повторяю, передача состоялась! Код: «Бесплатный сыр»!
- Вас понял!

22.

- Не нужно волноваться... – голос Карела дрогнул. Внезапно люди потеряли имена.
- Я не согласен... – И ледяная тишина чужого фиорда.
- Берем и уходим. – И вытянутая рука в сторону столика у окна.
- Код: «Бесплатный сыр». Код: «Бесплатный сыр». – И помехи в эфире.
- Вам сюда нельзя. Тут кухня, вы...
- Пошел в жопу. – Удар рукоятью обреза в челюсть.
- Белый поварской колпак слетает с головы, падает, падает, падает...

Дверь в зал все ближе.

Топот ног по эскалатору. Мир через прорезь маски. Испуганные лица. «Джингл-Белл» в динамиках супермаркета.

– Берем его и уходим. – Семь человек решительно идут через зал. В сторону летят стулья. Расширенные глаза официанта. Кулак в солнечное сплетение. Сгибается. Падает.

Рука на черном кейсике с дисками.

Расширенные глаза.

Поварской колпак.

Падающий стул.

Все двигается, как на сложной, многомерной сцене. Каждая вещь, каждая деталь играет.

Топот ног по последнему эскалатору.

– Пойдешь с нами!

Испуганный человечек, решивший, что обращаются к нему, выдергивает из-под стола блестящий пистолет. Большой, блестящий пистолет!

Щелк! В мерзлой тишине чужого фиорда щелкает затвор! Щелк!

За другим столиком испуганная марионетка хватается за черный кейсик с государственной тайной. Удивленный кукловод.

– Не стре... – крик прерывается звоном разбиваемого стекла. Черные, страшные люди-пауки влетают в ресторан. Страшные, курносые стволы направлены на всех сразу.

Кто-то пригибается. Кто-то замирает.

Сбитый с ног официант пытается подняться, он ничего не видит, ему трудно дышать.

Топот по лестнице. Пятнистый, черно-бело-синий камуфляж. Автоматы.

– Всем на пол, работает...

Человек вскакивает из-за дальнего столика. Резкий удар в лицо собеседнику. Нелепая марионетка падает. Скрюченные пальцы цепляются за скользкий черный кейсик. Не успевает, не успевает! Рушится на спину...

– Стоять!

Испуганные глаза.

Блестящий большой пистолет.

Трясутся пальцы.

Камуфляжная волна катится через весь зал, сметая все на своем пути.

На белый колпак наступает человек в черном плаще.

Распахивается дверь на кухню.

Обрез. Два черных глаза двенадцатого калибра смотрят в зал.

И только после этого люди снова обретают имена.

23.

Карел рванулся к кухне, позади падал на спину полуконтуженный Веничка и, перепрыгивая через столы, расшвыривая стулья, неслись спецназовцы.

– Всем лежать, бля! Лежать!

Испуганный Борис с перекошенным лицом целился в грудь Коле, который первый раз в жизни ощутил, как мало значат собственные амбиции. Зрелище людей-пауков, влетевших в окна на тонких черных канатиках, начисто лишило его воли к борьбе. Спецназ, громящий ресторан, в Колиной голове плавно связался с господином Чумой, расшибающим «Хаммер» с помощью военного БТРа. И раз уж человек может для своей защиты вызвать бригаду спецназа ФСБ, то ему, Коле, тут делать нечего. И в последние секунды своей жизни Николай с теплотой подумал про совет директоров и про работу, где сейчас он так страстно хотел бы оказаться.

Однако бойцы, которых Фоменко притащил на акцию, оказались не столь догадливы. Слепленные адреналином, они поняли только то, что их лидеру угрожает опасность. И теперь все зависит лишь от того, кто быстрее сумеет вытащить ствол.

Они и вытащили.

– Ствол!

И черные глаза автоматов обернулись в сторону батутцов.

– Брось! Брось ствол!

Все замерло на мгновение.

И летящие через зал спецназовцы, и бегущий изо всех сил Карел, и бойцы, выдергивающие пушки из карманов.

Только один человек сохранил способность двигаться в этом остановившемся мгновении.

Человек в черном плаще. Большой, контуженный и злой.

Дюбель.

Где-то там, позади него, замкнулось оцепление, и группа фээсбэшников шла через кухню, как нож через масло. Но Дюбель успел.

Он скользнул на сцену, словно уличный кривляка-босьяк.

И сыграл свою роль в страшном спектакле, на мгновение став главным героем.

Потому что его выстрел был первым.

Дюбель не видел никого, кроме Сергея и батутцов. В них и целил.

Однако на пути плотного комка дроби неожиданно вырос бегущий человек.

БУМ! БУМ!

И завертелось колесо.

Страшным ударом в грудь Карела швырнуло назад, через столы и стулья. Он умер сразу, мгновенно. После грохота выстрела свет для Карела погас. Тело грохнулось в центре зала. И маленький, черный кейсик покотился по полу к окну.

Пальцы на курках вздрогнули!

Первым, пусть на миллисекунду, но первым, выстрелил Борис. Точно в живот Коле. Администратор согнулся, перед глазами мотнулся забрызганный кровью паркет.

«А кровь-то моя!» – ужаснулся Коля, падая лицом вниз.

Для каждого из них, умирающих, умерших или готовых умереть, время тянулось пугающе медленно. Они успевали осознать и принять собственную смерть... Что может быть страшнее?

И следом за выстрелом большого блестящего пистолета грянула барабанная дробь автоматных очередей.

Батутовцы рухнули на пол. Им повезло, первую очередь спецназовцев на себя принял Борис. Кто-то, зажимая хлещущую кровь, остался корчиться на полу, но остальные успели откатиться в сторону и открыть ответный огонь. Адреналин сыграл с парнями злую шутку, да еще запах пороха так провокационно щекотал ноздри...

Кто-то из спецназовцев вылетел обратно в окно, отброшенный ударами пуль в бронежилет. Шальная пуля перебила трос, и тело ухнуло с седьмого этажа на мерзлый асфальт.

Сергей, после первого же выстрела упавший на пол, сейчас лежал, зажимая голову ладонями и зажмурившись. Над ним грохотало, сыпались обжигающе горячие гильзы и лилась такая же горячая кровь.

Перед тем как погибнуть, Дюбель успел выстрелить только один раз. Прямо в волну цвета камуфляжа.

Двое в масках упали, отброшенные картечью. Скользнул в сторону «Калашников».

Дюбель успел переломить обрез и сразу же за этим был разорван пополам автоматной очередью.

К выходу с высоким, бабьим визгом, высоко задирая колени, бежал официант.

Батутовцы, окончательно потерявшие голову, стреляли в спецназ. Кто-то вскочил, бросил ствол, но поднять руки не успел, коротко крикнул и рухнул вперед. Разбитое пулей лицо оказалось точно рядом с головой Сергея. Страшно белели осколками кости. Оскал зубов...

Все, что мог впоследствии вспомнить Сергей, – это ужас.

Ледяной, обжигающий холодом ужас, который погнал его вперед, через кошмар и кровавую баню. Вслед за визжащим официантом, туда, к выходу! Может быть, сработал инстинкт стада?... Может быть, что-то еще, но удача была на стороне Сергея. Когда визг официанта оборвался, а самого его крутануло на месте и опрокинуло на спину, Сергей толкнулся ногами, распластаваясь в полете. Туда, где, мерно жужжа, нес свою бесконечную лестницу эскалатор.

– Стой! – гаркнули сзади, и что-то быстрое и жесткое свистнуло у самого уха, больно дернув за волосы.

Сергей не мог остановиться. Сейчас он был всего лишь животным. Испуганным и цепляющимся за жизнь.

Он даже не помнил, откуда, как и почему в его руке оказался зажат маленький черный кейсик. Скользкий от крови...

– Стой!

Время снова замедлило свой бег.

И то единственное черное дуло, что должно было выплюнуть маленький кусочек смерти для Сергея, двинулось в его сторону. Медленно совмещая траекторию летящей гибели с направлением движения мишени.

Сергея спасла не удача.

Его спас Веничка. Глупая марионетка с оборванными нитями, свисающими с безвольных рук, видела только одно. Маленький чемоданчик, сломавший ему жизнь и уже почти лишивший его жизни, исчезает. Уходит. Вот-вот и пропадет!

Веничка схватил автомат, выпавший из чьих-то мертвых рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.